

Елена
Арсеньева

Ведьмин
коготь

Елена Арсеньевна Арсеньева
Ведьмин коготь
Серия «Дети Грозы», книга 5
Серия «Любовь и тайна»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40731099

*Арсеньева Е. А. Ведьмин коготь: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;
2019*

ISBN 978-5-04-100470-5

Аннотация

Женя Всеславская, правнучка знаменитого советского колдуна Грозы, работает массажистом и лишь смутно догадывается о своих необычных способностях. Так и текла бы жизнь в тишине и покое, но ее бывший муж становится жертвой подлого обмана, и Женя бросается помогать ему – потому что вдруг ясно понимает: это не просто мошенничество, а колдовство. Сын коварной и безжалостной ведьмы творит в глухой мордовской деревушке страшные дела! Он похищает Женю, чтобы зачать с нею сына, который станет подлинным наследником силы двух могущественных враждовавших родов.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Елена Арсеньева

Ведьмин коготь

© Арсеньева Е., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Чудь начудила да меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...*

А. Блок

Страсти крут обрыв!

В. Маяковский

Пролог

...Женя даже шагов сзади не расслышала. Прошелестело что-то: так осенние листья, оторвавшись от веток, шуршат по асфальту под внезапным порывом ветра, – а потом ее сильно дернуло за плечо. Но это была не ветка, которая попыталась удержать покинувшую ее листву: это была чья-то рука.

Женю резко развернуло – и она невольно вскрикнула, увидев перед собой не лицо напавшего, а черный капюшон. В двух узких прорезях мерцали глаза. Черный плащ, скрывавший фигуру, черные перчатки, обтянувшие руки, одна из которых вцепилась в ее плечо, а вторая сжимала мощный тесак, какие ей приходилось видеть только на рынке в мясном отделе – в руках рубщиков мяса.

Женя, онемев, рванулась было, однако сзади еще кто-то стиснул ее, да так, что не шевельнуться.

– Что вы... что... – прохрипела она, чувствуя, как подгибаются ноги, однако тот, кто схватил ее сзади, не дал упасть и насмешливо пробормотал, дыша в ухо:

– Хочешь спросить, чего нам надо? Да ничего особенного. Ручки тебе шаловливые малость укоротим – и пойдешь восвояси.

– Что? – выдохнула она чуть слышно, потому что голос от ужаса съезжился. – За что?!

– А больно резво ты ими шевелишь где надо и где не на-

до, – сообщил тот, кто ее держал. – Змеюшек разных ловишь...

– Каких змеюшек? – еле выговорила она, и в то же время уловила мрачный промельк в прорезях капюшона, словно слова подельника вызвали недовольство человека с тесаком.

«Неужели?!» – словно бы вскричал кто-то в ее голове – вскричал тонким, испуганным голосом, и Женю осенило догадкой, с чем могло быть связано это нападение и кто именно на нее напал, но сейчас радоваться своей догадливости было некогда, да и никакой радости в этом вообще не было – был только ужас.

Сзади ее подтолкнули к неподалеку стоявшей скамейке так сильно, что Женя упала на колени и какое-то мгновение тупо смотрела на облувленную краску, не то зеленую, не то синюю, в полутьме было не разобрать. Между дощечками застрял прутик, и Женю вдруг словно ударило жутчайшим воспоминанием об одной сцене из американского фильма «Тимон Афинский» по трагедии Шекспира... Фильм Женя смотрела давно, он выветрился из памяти, но эта сцена сейчас так и вспыхнула перед глазами: дочь Тимона изнасиловали и отрезали ей язык, чтобы она не могла назвать имена злодеев, а чтобы не могла их написать, ей по локоть отрубили руки, и в кровоточащие обрубки воткнули веточки... И Женя словно увидела, как этот прутик – вот этот, который сейчас трепещет перед ней! – втыкают в кровоточащий обрубок ее руки!

К горлу подкатила тошнота, она почувствовала, что сейчас потеряет сознание, но тогда уж точно станет легкой добычей для этих двух сумасшедших... О нет, они не были сумасшедшими, они хотели отомстить, отомстить ей за то, что она обнаружила эту проклятую змейку!

Каким-то совершенно невероятным усилием Женя удержала себя от обморока, и в голове немного прояснилось.

«Мама! – мысленно крикнула она. – Дед! Помогите!»

Всё существо ее словно рванулось в неизъяснимую даль и высь, пытаясь пробиться к этим двоим, которые всегда, даже в самые тяжелые моменты ее жизни, прикрывали ее и помогали ей, ободряли и спасали, однако зов ее, крик ее существа, всплеск ее страха, лишь исторгнувшись, сразу наткнулся на какую-то незримую преграду – и рассеялся в ночи.

Казалось, человек в черном капюшоне окружил ее непроницаемой стеной своей ненависти, через которую не могла пробиться любовь.

– Руки! – слышалось сдавленное рычание из-под капюшона, и Женя с новым припадком ужаса ощутила, что в этом голосе нет ничего человеческого. Это было звериное рычание, в самом деле! – Держи ее руки, карь!

Женя вырывалась что было сил, сползая со скамейки, и схватившему ее человеку невозможно было удерживать Женю и заставлять вытянуть руки, потому что этими руками она, извернувшись, что было сил била, щипала своего палача, хрипя от ненависти к нему сквозь стиснутые зубы.

А тот, в капюшоне, по-прежнему стоял неподвижно, и только свет фонаря, заслоняемого и вновь открываемого мятущейся под ветром вершиной дерева, проблескивал на зловещем лезвии и в щелках-прорезях.

Вдруг он хрипло гаркнул:

– Погоди-ка! На землю ее! Положи! Да держи крепче!

И шагнул к Жене, распахивая свое черное одеяние.

Его сообщник с такой силой швырнул Женю наземь, что у нее перехватило дыхание, и какое-то мгновение она могла только наблюдать, как человек, распахнув плащ, нависает над ней, и чувствуя, как он с силой пинает ее по щиколоткам, чтобы она развела ноги.

Он задумал... он хочет изнасиловать ее?! Неужели он понял, что Женя догадалась, кто напал на нее, хотя ни разу не видела его раньше? И задумал сделать свою месть еще более страшной?

Изнасиловав, он убьет ее, а потом, уже мертвой, отрубит руки?..

Нет!

«Да что же я молчу?!» – вдруг дошло до Жени, и она вскрикнула, взвыла, взвизгнула, но тотчас ее схватили за горло и стиснули так, что она забилась в новом припадке ужаса, задыхаясь и чувствуя, что сознание снова меркнет.

Внезапно что-то обожгло грудь, словно к ней прижали раскаленное клеймо, и эта боль заставила очнуться, вернула способность думать и действовать. Женя сообразила, что

отрывать душащие ее руки от горла бессмысленно, и резко согнула колени, а потом с силой выпрямила ногу и нанесла удар по склонявшемуся над ней человеку. Она не промахнулась и более того – судя по мучительному воплю, угодила именно туда, куда метила.

Насильник отпрянул, его помощник замер испуганно, а Женя рванулась с неожиданной для себя самой силой, закричала еще громче, еще отчаянней... И сердце, ее безумно колотящееся сердце, казалось, пропустило один удар, когда она вдруг слышала громкий топот. Кто-то бежал по дорожке сквера!

– Помогите! – завопила Женя, однако тотчас онемела от боли, получив сильный удар под ребро.

А человек в капюшоне выпрямился и занес секач, рыкнув грозно:

– Скорей! Подними ее! На скамейку!

Его сообщник подхватил Женю и швырнул на жесткие доски. Секач взлетел в черных руках... В то же мгновение человек в капюшоне как бы сломался, завалился назад, секач тяжело рухнул наземь; плавно осел плащ. Мимо, громко топая, пролетела какая-то серая тень.

«Тень не может топать», – вяло подумала Женя, чувствуя, что руки, которые только что зверски стискивали ее, вдруг разжались... Она со странным чувством облегчения поникла на скамейку и прижалась щекой к дощечкам. Она знала, что сейчас потеряет сознание, и была счастлива, что весь ужас

так или иначе закончится.

Москва – Сырьжакенже, прошлое

Кассирша уставилась подозрительно: не дороговат ли билет в СВ для невзрачной девицы самого затрапезного вида, с двумя тощими косичками, обвитыми вокруг прилизанной белобрысой головенки? Вот для только что отошедшего бритоголового парня эти деньги были бы как раз по карману, а эта чего пыжится?! Теперь в СВ ездят только новые русские!

Раиса и сама знала, что на новую русскую она не тянет, ну никак не тянет, поэтому пояснила виновато, кивнув на Ромку, который прикорнул на чемодане у стеночки:

– Хозяйка велела ребенка к бабушке в Ленинград отвезти.

– Говорят, его вот-вот в Санкт-Петербург переименуют, – кивнула кассирша, смягчившись, и подала Раисе билет: – Не прозевайте отправление, через сорок минут вам ехать, а поезд за полчаса подадут.

– Спасибо, да, конечно, – покивала Раиса, спрятала билет в сумку, повесила ее на плечо и, подхватив Ромку одной рукой, а другой – чемодан, пошла вниз по боковой лесенке – как бы в туалет.

Теперь, если за ней даже следили и слышали, куда она взяла билет, ее будут караулить у вагона: в женский туалет вряд ли потащатся. А может быть, никто и не следил... Но хозяйка знала, что делала, когда давала Раисе подробнейшие

инструкции: как поступать, если что-то случится. Она чувствовала, она чувствовала, что беда рано или поздно придет, и Раису к этому дню готовила, однако беда не пришла, а нагрянула: случилось то, чего ждала хозяйка, все равно внезапно!

— Ох и доиграюсь я когда-нибудь! — смеялась она, бывало, садясь после очередного выступления в такси и целуя Ромку в черноволосую голову. Раиса помнила, как косились на нее водители — хозяйка никогда не спускалась в метро! — косились недоумевающе или со страхом. Побаивались, сами не зная чего, те, которые поумней, которые нутром чуяли нечто недоброе, исходящее от этой красивой изящной женщины со светлыми роскошными волосами и темными глазами. Откуда им было знать, что, придя домой, хозяйка снимет белокурый парик и темные контактные линзы и превратится совсем в другую женщину? Впрочем, даже если бы они заподозрили маскарад, какая для них-то была в хозяйке опасность? Вот если бы кто замыслил недоброе, она от него мокрого места не оставила бы! Но все обходилось, и Раиса поверила, что будет обходиться и впредь, что так и пойдет дальше жизнь: спокойно, удобно, размеренно, — однако хозяйка всегда была настороже, всегда ждала от судьбы какой-то пакости... ну вот и дождалась пули!

В ту минуту, оторопело уставившись на валявшееся на сцене черное платье, комок растрепанных белокурых волос и лакированные туфли — это было все, что осталось от хозяй-

ки, а саму ее словно адским ветром унесло (ну а каким же еще?!), – Раиса краем глаза успела заметить седого человека, который стоял, вскинув руку. Человек держал пистолет, однако этого, казалось, никто не видел: зал словно оцепенел! Но Раиса не могла понять, были люди просто ошарашены случившимся или их кто-то *оцепенел*, подобно тому, как это умела делать хозяйка.

Впрочем, Раисе некогда было доискиваться до сути дела – она была слишком занята тем, чтобы удержать орущего и рвущегося из ее рук Ромку, но узкоглазое, скуластое, изможденное лицо стрелявшего и убившего хозяйку до сих пор стояло перед глазами! Она неотступно думала об этом человеке, пока добиралась до дому на такси, хватала заранее приготовленный чемодан с Ромкиными вещами и своим немудреным барахлишком, вытаскивала из холодильника какие-то продукты, которые могли понадобиться в дороге, доставала из тайника деньги – много там было денег! – запирала квартиру на ключ и подсовывала его под коврик, лежавший перед дверью, словно погибшая хозяйка все же могла вернуться сюда или сама Раиса вдруг вернется... К примеру, билетов не будет и придется уезжать завтра! Но при этом она не сомневалась, что больше никогда не переступит этого порога, что московская жизнь ее окончилась, а билеты – билеты, конечно, найдутся!

Хозяйки больше нет на свете, но силу ее покровительства Раиса по-прежнему ощущала...

Билеты и в самом деле нашлись. Немножко жалко было впустую потраченных деньжищ (Раиса еще не забыла, в какой жалкой бедности жила она, пока не попала в руки хозяйки!), но по сравнению с тем, что у нее осталось, это были копейки, а след обязательно нужно было замести.

В туалете Раиса переоделась в одно из платьев хозяйки (совсем простенькое, но рядом с тем, которое Раиса с себя сняла, выглядевшее роскошно), повязала волосы нарядным шарфиком, потом вместо своих удобных бареточек надела туфли на каблучках да еще и с бантиками – и поднялась в зал ожидания в ту минуту, когда вся толпа пассажиров валом повалила на платформы: подали на посадку ленинградский скорый, а одновременно с ним уходило несколько электричек, поэтому Раиса не сомневалась, что в этой толчее их с Ромкой невозможно будет разглядеть.

Хозяйка все рассчитала правильно!

По стеночке, по стеночке добралась Раиса до больших вокзальных дверей, метнулась в подземный переход и понеслась со всех ног под площадью на Казанский вокзал. Через четверть часа уходил поезд на Саранск, вот на него-то Раисе и надо было попасть – попасть обязательно!

Она влетела в вагон – тоже СВ, тоже безумные деньги, но эти хоть не псу под хвост были выброшены! – за пять минут до отхода поезда и сунула проводнице билеты до Арзамаса. Конечно, той случалось видеть в своем вагоне публику и почище, и побогаче, но ей Раиса скормила ту же байку про

бабушку, которой она должна была отвезти внучонка, – и проводница взглянула приветливей, посулила принести чайку сразу, как только соберет билеты, сообщила, что туалеты в СВ открываются сразу, а не как в других вагонах: только когда минуют санитарную зону, – и показала Раисе ее купе.

Места были 13 и 14, чему Раиса совершенно не удивилась. Ну на каком еще месте они с Ромкой могли спастись от неминуемой смерти? Только дьяволово число могло их оградить!

Постели оказались уже приготовлены. Раиса с облегчением уложила Ромку, решив не будить его даже в туалет и тем более – чай пить. Пусть выспится. В Арзамас они приедут ни свет ни заря, потом еще невесть как добираться до Сырьжа-кенже. Хорошо, если бы в том направлении ходил автобус! С попутками Раиса боялась связываться: вдруг шофер поймет, что у нее есть деньги? Тут уж всякое может случиться! Времена нынче, в девяностые-то годы, пошли дикие, незаконные, и если лихие люди не стесняются тормозить на трассах груженные фуры и грабить товар подчистую и даже расстреливать пассажиров иномарок, а машины угонять в неизвестном направлении, то какой-нибудь шоферюга вполне может решить поживиться имуществом беззащитной пассажирки, у которой нет никакой защиты, кроме перепуганного мальчика.

То, что этот малец как раз и мог послужить, в случае чего, немалой защитой, было, конечно, никому, кроме Раисы, неизвестно, однако она совсем не хотела, чтобы ее прибытие в

Сыржакенже сопровождалось всякими ужасами. Рано или поздно слух о Ромке все равно пойдет – но пока еще рано, в самом деле рано!

Ей опять повезло. Автобус на Дивеево, которым можно было добраться почти до Сыржакенже («На развилке они сворачивать будут, а ты сойдешь, троечку километров просёлкой прошагаешь – и на месте», – пояснила вокзальная кассирша), отправлялся через час после прибытия поезда, и Раиса успела и Ромку накормить, и сама поест, а потом, опять же в туалете, облачилась в свое вчерашнее барахлишко, понимая, что там, куда она едет, незачем щеголять городским нарядом. Она чувствовала, что вряд ли еще хоть раз наденет эти вещи там, в Сыржакенже, а может, и вообще никогда больше не наденет, но не жалела об этом. С тех пор как она встретилась с хозяйкой, жизнь стала на диво незамысловатой: слушайся приказов, смотри вперед – и не оглядывайся. Одно всерьез заботило Раису: что, если бабка Абрамец давно умерла? Куда им с Ромкой тогда податься? Надежда была, что хозяйка и тут не ошибется...

Так и вышло. Старуха оказалась жива.

Деревня Сыржакенже была хоть и невелика: не более полусотни дворов, – зато дома, стоявшие по обе стороны единственной улицы и уходящие огородами которые к реке, которые к лесу, смотрелись на зависть крепко, осанисто и даже

богато. Однако, когда Раиса вошла в Сырьжакенже (от развилки и впрямь вела удобная проселочная дорога, по которой отдохнувший Ромка охотно топал сам, изредка принимаясь верещать при виде цветка, гриба или птицы, с испуганным криком шарахнувшейся в чащобу) и спросила про бабушку Абрамец, ей указали на самый что ни на есть неказистый домик, укрывшийся в лесочке, подступившем к деревне.

Раиса осторожно протиснулась в косо висевшую на одной петле, а потому незапертую калитку и засемила тропкой, ведущей к крыльцу. Позади крался Ромка, громко сопя: он всегда сопел, когда ему было страсть как любопытно!

Раиса обратила внимание, что все грядки заросли сорняками: морковную или свекольную ботву можно было разглядеть с превеликим трудом. Неужто бабушка Амбрамец настолько стара, что уже ничего делать не может? Раиса вспомнила, что говорила о ней хозяйка – и вдруг ужаснулась. Почему она раньше об этом не задумывалась?! Если мать хозяйки была с 1910 года, ей нынче исполнилось бы 81. Сколько же бабушке?! Под сто или даже за сто? Или ровно сотня?

Еще повезло застать ее в живых! Хотя в чем везение? Померет со дня на день, и что тогда? Им с Ромкой вековать в этой кособочине, пока крыша не завалится и их не завалит?!

– А ты погоди горевать, – раздался за спиной тихий голос, в котором звучала насмешка. – Авось обживемся да и, глядишь, наживемся. Этот Люсьенкин сынок, Люськин внучок,

что ль, а мой, стало быть, правнучек? Ну и как его зовут?

Раиса, оторопело приоткрыв рот, не в силах слова молвить, смотрела на низенькую старушонку, одетую во что-то зелено-коричневое. На груди болтался какой-то странный черный камень, формой похожий на коготь, подвешенный на грубой веревке.

В руках у нее был пучок свежесорванной, еще в земле, моркови. Наверное, Раиса среди ботвы просто не разглядела бабку – в этом ее тусклом платье.

Ну и ну! Вот это старуха! Хоть и похожа статью на жабу, а лицо при этом гладкое, румяное, почти без морщин, словно бы надутое изнутри свежим розовым воздухом. Вот и хозяйка выглядела удивительно молодо, несмотря на свои пятьдесят. Впрочем, хозяйка была ведьма... А разве эта бабка не ведьма?! Хозяйка кое-что рассказывала Раисе о своей родне как со стороны отца, так и со стороны матери. Отец родился в семье лопарских, по-нынешнему – финских колдунов. А мать наполовину мордовка! Эрзянка! Родом из этой вот деревни – Сырьжакенже. Мордва даже говорит на языке, похожем на финский¹. Так хозяйка рассказывала и уверяла, что этим родство не ограничивается. Все они тут, в этом глухом краю, ведьмачат почему зря!

Тут у Раисы мурашки по спине побежали: вдруг старуха поймет, о чем она думает?! Однако бабка Абрамец на нее

¹ Эрзя-мордовский язык в самом деле входит в мордовскую подгруппу финно-угорской языковой группы.

не обращала внимания – пристально смотрела на Ромку. А мальчик таращился на нее. Водянистые голубые глаза старухи так и впились в его глаза – яркие, черные. Однако непохоже было, что Ромка испугался: глядел спокойно, внимательно, хотя и без улыбки.

– Пашкой зовут? – отрывисто спросила старуха, и Раиса заметила, что у нее во рту торчит всего один зуб: черный да гнилой, – однако бабка Абрамец не шамкала, не шепелявила – говорила на диво ясно и четко.

– Нет, я Ромка, – ответил мальчик.

Старуха метнула на Раису вопросительный взгляд, и та кивнула. В самом деле – Ромкой хозяйкиного сына звали для людей, а подлинное, по метрике, имя его было Павел: в честь его деда, отца Люсьены Абрамец, которого она боготворила.

– Значит, Люсьена Павловна вам все же писала? – спросила Раиса и с облегчением вздохнула, когда старуха кивнула. Впрочем, при этом водянистые глаза ее столь хитро прищурились, что Раиса вполне могла бы подумать, будто бабка ее просто успокаивает, а о рождении правнука знает... ну, просто потому, что знает.

Между тем старуха провела грязной скрюченной лапкой с обломанными ногтями по одной из морковок и протянула ее Ромке. Раиса подалась было вперед – сказать, что нельзя ребенку такую грязь в рот брать! – но осеклась: оранжевая каротель² была совершенно чистая, как будто ее только что

² Сорт сладкой моркови, который сразу можно узнать по закругленному концу.

вымыли да еще и поскоблили ножичком. Ромка радостно захрустел ею, а старуха вдруг сказала каким-то особенно тихим голосом:

– Малой, ну-ка поворотись да стань рачком.

Ромка медленно, как во сне, повернулся и опустился на колени, потом облокотился, не переставая грызть морковку. У Раисы сердце подскочило!

Бабка Абрамец аккуратно положила пук моркови на грядку и рывком спустила с внука штанишки и трусы.

Раиса зажмурилась. Она это видела каждый день, когда мыла Ромку, она привыкла, но почему-то сейчас зрелище чуть заметного хвостика на копчике мальчишки поразило ее даже сильнее, чем когда она увидела его в самый первый раз.

– Эрь-эрь³... – довольно пробубнила бабка. – Теперь вижу, что наш подлинно. Слыхала небось, что младенец, в третьем поколении незаконнорожденный, рождается с хвостом? Само собой, если в нем наша кровушка есть. Шумбратадо, дугай... дугайнуцька!⁴

Она ловко натянула мальчику штанишки, а потом поставила его на ноги, развернула к себе и прижала к своему толстому животу, прикрытому сто лет не стиранным фартуком. Впрочем, Ромка, обычно брезгливый и неподатливый, охотно прижался к ней и ничего не имел против, когда корявая и грязная старушечья лапка принялась перебирать ему во-

³ Ну-ну (эрьянск.).

⁴ Здравствуй, родимый... родимый внучек! (эрьянск.)

лосы. При этом он по-прежнему жевал морковь, и губы его стали оранжевыми от сладкого сока.

Раздалось заполошное квохтанье, и из-за угла выбежали две облезлые курицы.

– Ой, кто курам перья общипал? – удивился Ромка.

– Видать, кудазор, ну, домовой по-русски сказать, их невзлюбил, вот и повыдрал перья, – объяснила бабка Абрамец. – Или еще какого *другого* прогневили. Надо старый карь, лапоть, значит, на курятник повесить, чтобы не лазила сила нечистая, куда не надо.

– У тебя тут сила нечистая водится? – не то испуганно, не то восхищенно огляделся Ромка.

– Да живут какие-то *другие* в подполе, – небрежно сообщила старуха. – Ты смотри туда не суйся, покуда я не помру, а то худо будет. Понял ли?

– Понял, – серьезно кивнул Ромка. – А когда помрешь – можно будет на них поглядеть?

– Поглядишь, коли не заробеешь, – кивнула бабка Абрамец. – А не заробеешь – быть тебе чертогом!

– Слышишь, Рая? – радостно вскричал Ромка. – Я буду чертогом!

Раиса с трудом сдержала зубовный стук.

– А что это у тебя болтается? – Ромка бесцеремонно схватился за странный камень, болтающийся у старухи на шее.

– Сырьжакенже, – хитро прищурилась она. – От отца мне достался. Абрамец его звали, а по прозвищу Верьгиз. Он ка-

мень от одной ведьмы получил. Помру – твой будет. Береги его как зеницу ока. В нем вся сила нашего рода.

– А что такое Сыръжакенже? – не унимался Ромка.

– Ведьмин коготь, – шепнула бабка Абрамец.

Теперь Раису затрясло так, что ступеньки покосившегося крылечка ходуном заходили под ее ногами.

– Да будет уже колотиться-то, – мягко проговорила бабка Абрамец. – Теперь ты Пашке вместо матери будешь, а мне, выходит, и за дочку, и за внучку. Ну а с волками, сама знаешь, жить – по-волчьи выть. Привыкай выть по-моему – не пожалеешь! А что хоромы мои на первый взгляд тебе неказисты показались, так попривыкнешь. А нет, по деревне пройдемся – какая изба тебе по нраву придется, та, значит, твоя будет.

– Как это? – изумилась Раиса. – Купить, что ли, смогу?

– Неужто не сможешь? – ухмыльнулась бабка Абрамец. – Неужто ярмак нет?

– Деньги-то у меня есть, – пробормотала Раиса, удивляясь, как легко поняла незнакомое слово. Впрочем, догадаться, о чем спрашивает старуха, было не так трудно. – Но вдруг они не захотят мне дом продать?

– Да что ж, им жить надоело, что ли? – растянула старуха в улыбке губы, снова обнажив голые челюсти, а потом, небрежно проведя рукой по другой морковке и таким образом «очистив» ее, смачно куснула и захрустела так, словно рот ее был полон отличных здоровых и молодых зубов.

Хабаровск – Нижний Новгород, прошлое

Хабаровск, родной, любимый! Вовек тебя не забыть! Детский сад на Дзержинке с его беседками и верандами, песочницами, горками и таким неодолимо высоким зеленым забором, который отделял его от улицы и соседних домов; школа номер 57 на улице Запарина с высоким крыльцом, увенчанным двумя большущими шарами, на которых очень удобно было сидеть, с волшебно цветущим по весне яблоневым садом; уличные колонки, из которых так вкусно было пить ледяную воду, прильнув к чугунному носику и что было сил давя на неподатливый рычаг; ларьки с мороженым на улице Серышева и кружевной деревянный павильончик, пристроенный к универмагу на улице Карла Маркса, где продавалось самое вкусное, самое любимое, сливочное с изюмом, в хрустящих вафлях... Потом напротив, через дорогу, открыли «Снежинку», в которую всегда тянулась веселая школьная и студенческая чередка, но шли туда, конечно, только ради того, чтобы посидеть в настоящем кафе, ведь в Хабаровске мороженого было много, не то что во Владивостоке, где в «Льдинку», открытую в подражание «Снежинке», чуть ли не с ночи надо было очередь занимать, а ларьков и вовсе не имелось! Но все равно, в кособоком, с узкими крутыми улочками, Владике, как называли город дальневосточники, было так много чудесного, а главное – зеленое, тугое море, под-

ступавшее к самому городу... иногда волны белели от множества прозрачных ленивых медуз, которых наносило штормом к берегу. Самым чистым, поистине изумрудным море было в бухте Шаморе, и снять на лето один из тамошних дощатых, жутко неудобных домишек, где спали на сенниках, а готовили на электроплитке рядом с домиком (преимущественно варили умопомрачительно вкусный борщ с тушенкой), считалось великим счастьем, потому что море, море, море неумолчно било днем и ночью волнами в берег, сияло то солнечными, то лунными, то звездными искрами...

Ну и что, что во Владике было море! Зато в Хабарове – в Хабаровске, значит, – был Амур! Мощный, свинцово-серый зверь ярился под утесом или плавно крался вдоль левого берега, где тальники мыли ветви и листья в его волнах... разбегался множеством извилистых протоков, в которых воды были черно-зеркальны от листвы, годами, десятилетиями, ложившейся на дно... а на отмелях посреди реки маленькие рыбки нагло хватали беззубыми ротишками купальщиков за ноги.

Хабаровск, Хабаровск! Пионерские лагеря на Воронеже и на Бычихе, Хехцир с синими сопками – этот синий, особенный, хрустально-чистый цвет видят только те, кто родился на Дальнем Востоке... А закаты над Амуром?! Нет слов, чтобы их описать, – можно только за сердце хвататься, стоя на утесе или на высоких воронежских берегах! Незабываемый город, в который, кажется, всегда можно вернуться, и тянет туда неодолимо, однако жизнь уже переменилась так,

что обратной дороги нет, остались только краткие визиты в неузнаваемо меняющийся город – чужой, хоть и по-прежнему родной и любимый!

Выйдя на пенсию, Александр Александрович Морозов купил дачку на Хехцире, близ сопок Двух Братьев, и его любимая внучка часто там бывала. Странный Женькин дед Саша не больно-то на участке горбатился – впрочем, у него все и так хорошо росло, от войлочной вишни и облепихи до винограда и малины, которую собирали еще и в первые заморозки, от обычной картошки до арбузов и дынь, помидоры, «хабаровский розовый» и «бычье сердце», морозные на изломе, вызревали такой величины, что хоть на выставку каждый год носи! Дед Саша в основном по тайге шастал – просто так, любуясь лиловым огнем багульника в мае, белой сиренью в июле, россыпью синих ирисов, диких белых пионов и оранжевых саранок, а потом – буйством осенних красок в затаившейся перед зимними морозами тайге. И Женя ходила рядом молча, смотрела, смотрела, словно уже тогда чувствовала, что настанет день, когда она всего этого лишится – так пусть же сохранится в памяти.

Ничего она на самом деле не чувствовала!

Неподалеку от их дачи было одно место... Раньше там рос ельник, резко выделяясь темной зеленью на фоне прочей таежной листвы. По берегам ручья, рассекавшего ельник надвое, вздымалась сплошная травяная непролазь, а белокрыльник, любитель сырости и тени, вымахивал здесь под

метр, и каждый его лист напоминал немаленькое весло. Чудесные букеты собирала в этих местах Женя!

И вот однажды осенью ельник вырубili, да подчистую. У Женки глаза были на мокром месте, когда она смотрела на сиротливо торчащие пеньки! Дед хоть и трунил, перефразируя Некрасова: «Плакала Женя, как лес рубили!» – однако тоже откровенно взгрустнул. Но пришли на то же место год спустя – и глазам не поверили: рубка заросла разнотравьем, но над всем властвовал кипрей, иван-чай, и какая же это была красота – темно-розовое, с малиновым отливом, цветущее царство! Стебли кипрея стояли один к одному, один в один стояли, словно на месте одного вырубленного леска поднялся другой. И пчелы, чудилось, со всей тайги туда собрались, такой непрерывный гул раздавался над просекой!

Дед Саша смотрел, смотрел на этот малиновый, ясный, радостный свет и вдруг сказал:

– Вот так и жизнь. Все врачует, все заживляет, и хоть не веришь, что еще улыбнешься и вздохнешь счастливо, а вот же... и вздыхаешь, и улыбаешься, и благодаришь судьбу за это!

Женя уже тогда знала историю своей семьи и понимала, что видит дед там, за розовым цветением кипрея, какие раны своего сердца врачует этим зрелищем. Оттуда, из неизмеримого далека, смотрели на него мать и отец, а рядом с ними стояла его любимая сестра, именем которой была на-

звана Женя...

Она вспомнила этот эпизод, уезжая десять лет назад из родного города. В сердце осталась безжалостно вырубленная разлукой просека, и с тех пор она каждый день ждала, когда же новая жизнь расцветится счастливым малиновым сиянием, и заживет рана в душе, и утихнет тоска, но нет – не цвел кипрей, не забывалось покинутое, и теперь только гордость, непомерная гордость не давала Жене открыто признать, что дед Саша был прав в своем безжалостном приговоре: «Это не твой человек. Ты делаешь ошибку. Остановись! У твоего мужа должна быть другая фамилия!»

Он назвал эту фамилию и пояснил, почему ей следует быть именно такой, но обиженная до ужаса Женя тогда ожесточенно подумала, что вот и у деда Саши начался старческий маразм. Какое отношение к ней имеют какие-то полужабытые предания ее семьи, о которых даже дед знал смутно, говорил с запинками и, кажется, сам не слишком верил в то, что говорил!

Женя тогда решила, что дед все это выдумал, только бы остановить любимую внучку, но разве могла она остановиться, ошалело влюбившись в блестящего журналиста Михаила Назарова, спецкора знаменитой своей либеральной скандальностью «Новой прессы»?! Он нагрязнул в Хабаровск за каким-то горячим материалом, в процессе его собирания до полного умопомрачения очаровался Женькой Всеславской, ну и ее очаровал до такого же состояния!

Положение отягчалось тем, что Александр Александрович Морозов либеральную прессу на дух не переносил и даже знакомиться с Михаилом согласился не сразу, да и потом, при встрече, держался до того неприветливо, что Женя обиделась. Как же так – дед всегда говорил, что она свет его очей и счастье его жизни, а норовит стать поперек ее собственному счастью! Маме с папой Михаил тоже не пришлось по душе, но с ними удалось сладить легче: они на старости лет – а им ведь уже было за сорок! – вдруг взяли да и родили Женьке брата, которого, само собой, назвали Сашей, в честь деда, и этот чудный карапуз помог им спокойно отпустить старшую дочь в новую неведомую жизнь.

– Ты только имей в виду, – сказала мама, – Москва в самом деле бьет с носка и слезам не верит, так что если тебе там станет худо, возвращайся.

– А ты как думаешь, я вернусь? – спросила Женя, затаив дыхание.

Мама у нее была женщина очень непростая... Отец называл ее с ласковой насмешкой «вещая жёнка», но в этих словах ласки было больше, чем насмешки, и Женя, которой мама иногда, скупно и неохотно, рассказывала о делах давно минувших дней, преданиях старины глубокой, которые касались ее, и деда Саше с его сестрой, и легендарного Грозы⁵,

⁵ Обо всем этом можно прочитать в книгах Елены Арсеньевой «Любовь колдуна», «Наследство колдуна», «В моих глазах – твоя погибель!» и «Черная карта судьбы», издательство «Эксмо».

могла только сожалеть о том, что таинственные, особенные, даже сверхъестественные способности ее предков на ней, конечно, не просто отдохнули, но отлично выпалились, ибо ни дара предвиденья, ни ясновиденья или яснослышанья, ни целительства у нее не было совершенно. Именно поэтому Женя после школы не пошла на юрфак, чего хотела мама, не стала поступать в мединститут или хотя бы на химбиофак, о чем мечтали дед и отец, а подала документы на филфак пединститута.

Что характерно, ни словом никто из родни не упрекнул: наверное, потому, что именно на этом же самом филфаке училась та, другая Женя, любимая сестра деда, ставшая потом известной дальневосточной журналисткой. На сером здании – угол улиц Серышева и Джамбула, – где находилась редакция газеты «Тихоокеанская звезда», висела мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1957 г., а также с 1960 по 1985 г. работала Евгения Васильевна Васильева-Скобликова (1939–1985)».

Наверное, родные надеялись, что Женя-младшая тоже сделается звездой дальневосточной журналистики, а то и, чем черт не шутит, даже отечественной, но вот беда: к журналистике ее совершенно не тянуло, хотя она довольно успешно пописывала что-то для Хабаровской студии телевидения и даже провела там несколько детских передач. Но на самом деле Жене это было неинтересно – так же, впрочем, как и преподавание русского языка и литературы в средней

школе, хотя на практиках ее хвалили самые суровые методисты, а ученики вообще обожали. Но вот уже позади госэкзамены, и за отличную учебу получено право свободного распределения, то есть Женя может сама выбирать себе место работы, а она по-прежнему не знает, чего хочет... Тут-то и занесло в Хабаровск «акулу пера» Михаила Назарова! Последовал бурный роман, скоропалительная свадьба – и вот уже под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги, и прощально блеснул в рассветных лучах Амур, а потом все затянула пелена облаков, изредка виднеются пятна лесов и выются нитки рек в просветах – и наконец Шереметьево-1, привет, столица!

– Ну вот, счастье мое, – шепнул ей Михаил, когда они сошли с трапа. – Увидишь, как мы заживем в Москве! Ты принесешь мне удачу!

Это было в начале 2008 года.

Через три месяца он назвал Женю «горе мое», сообщил, что она принесла ему «сплошные несчастья» и не подал на развод только потому, что Женя поклялась покончить с собой, если Михаил ее бросит. Наверное, она так и поступила бы, потому что все еще до одури любила этого бородатого и хамоватого, веселого и бойкого журналюгу, но Михаил спохватился и передумал разводиться. Вот только самоубийства этой ненормальной ему не хватало! Именно тогда он «разводился» со всей столичной журналистикой. Один скандальный материалчик, которые так любила «Новая пресса»,

оказался чрезмерно скандальным. Михаил «наехал» на ветерана Великой Отечественной войны, который посмел оскорбить тогдашнего московского мэра, назвав его жуликом и вором. Мэр сначала взбеленился, спустил на ветерана зело борзую и всегда готовую к бою «Новую прессу». Гордый особым доверием спецкор Назаров в своих обличительных статьях ударил не только по ветерану, но и выразился в том смысле, что в те годы (военные) только ленивым медали и ордена не давали, и надо еще проверить, в самом ли деле сей ветеран в атаки хаживал или на продуктовом складе, выражаясь языком классического фильма, подъедался. Поднял Михаил также модную среди «новопрессовцев» тему о том, что Ленинград лучше было бы сдать – тогда и блокады не было бы, и народ с голоду не умирал бы... И все это было написано блестящим, ироничным, остроумным слогом, которым славился Назаров! Статья, однако, попалась на глаза Президенту, который за недобрые слова в адрес ветеранов Великой Отечественной войны, а тем более – издевки над блокадой готов был порвать глотку кому угодно. Мэр, едва заслышав раскаты грома, донесшегося из Кремля, отозвал своих борзописцев. Редактор «Новой прессы» попятился с той же ретивостью, с какой недавно бросился в атаку, однако было уже поздно. Президент недвусмысленно пожелал эту... дурно пахнущую, скажем так, тварь... скажем так, более не видеть и не слышать. Никогда. Назарова пришлось швырнуть на съедение разъяренному Президенту. Покаяв-

шийся мэр публично на всех телеканалах обличал и Назарова, и всю «Новую прессу». Само собой, газетенка кормилась с заокеанского стола, само собой, Назаров готов был изобразить мученика, которого кровавая гэбня пытается лишить с таким трудом завоеванной свободы слова, однако ссориться с рассерженным Президентом не пожелал даже такой отъявленный цепной американский пес, как главный редактор «Новой прессы». Мэр за своих не заступился – под ним уже горела земля, и полыхнула-таки синим пламенем через пару лет «за утрату доверия Президента»... И Назарову предложили выбор: или работать дворником в Москве (ну а что, вообще, такого, даже некий Зощенко в свое время в аналогичной ситуации сапожником подрабатывал!), или отрясти со своих стоп столичный прах и временно скрыться куда-нибудь в провинцию – да в тот же Нижний Новгород, в его, Назарова, к слову сказать, родной город.

А что? Тоже столица, хоть и третья!

Сырьжакенже, прошлое

– А Люську мне Водява бросила, – сказала бабка Абрамец.
– А это еще кто? – удивилась Раиса. – И почему – бросила?

Они сидели на крыльце, перебирая снопы травы. Здесь были крапива, подорожник, лопух, валериана, мать-и-мачеха, толокнянка. Но среди этого изобилия Раиса с полной уверенностью могла отыскать только крапиву, поэтому старуха

доверила ей возиться именно с крапивой. Ее надлежало связать в веники и отнести в сарай, упрятав под сено, чтобы не померзла. Дабы не обжечь руки, Раисе были выданы матерчатые перчатки и передник.

– Это зачем? – осторожно спросила Раиса, которая знала только, что отваром крапивы волосы хорошо полоскать. – Ну, веники вязать – зачем?

– А вениками из пиципалакса порчу выметают, – сообщила бабка Абрамец. – Знаешь, сколько народу за ними ко мне бегают?!

Пиципалакс – так эрзяне называли крапиву. Раиса долго учила это слово. И сейчас, слушая бабку Абрамец, она мысленно повторяла: «Крапива – пиципалакс, лопух – кирмалав, подорожник – цирейлопа, мать-и-мачеха – одажа...» Других названий она пока не могла запомнить, поэтому всё называла просто тикше – трава.

Эрзяне, главное дело! Раньше все были просто мордва да мордва, а оказалось, они какие-то мокша и эрзя. Все на одно лицо, от одного корня, а как за свою разницу цепляются, это просто смех! Не дай Бог, говоря с эрзянином, слово по-мокшански брякнуть – губы-то кривить начнут, глаза-то свои узкие еще пуще сузят! Вот и бабка Абрамец: стоит Раисе крапиву назвать пиДипалакс, по-мокшански, а не пиЦипалакс, по-эрзянски, траву – тише, а не тиКше, – так изворчит вся! Ну, Раиса и старается...

– А сами люди что, заранее не могут себе веников навя-

зять? – спросила она заискивающе.

– Так откуда им знать, настигнет их порча или нет? – развела руками старуха, выронив несколько листков цирейлопы, то есть подорожника: умыться их отваром, как только что узнала Раиса, чрезвычайно полезно при сглазе. – Я ведь и сама еще не знаю...

Она умолкла, ощерив беззубый рот, но Раиса и сама догадалась, что бабка Абрамец хотела сказать: «Я ведь и сама еще не знаю, на кого порчу наведу!»

Раиса невольно передернула плечами: зябко вдруг стало...

– Эрь-эрь, – ухмыльнулась старуха, – зикамс а мезде! Покуда за Ромкой ходишь, никакой беды с тобой не приключится. Ты мне помогай, помогай, учись – авось пригодится, когда я помру. Только вот что загодя тебе скажу: как услышишь из подпола «Калт-култ!», готовься, приглядывай за мной. Лягу на лавку – значит, час мой наступил. Ты надень на меня носки – только, смотри, шерстяные, черные, которые я тебе дала, когда вы с Ромкой сюда пришли, помнишь? Ты спросила зачем, а я ответила, что потом объясню. Вот объясняю. Слушай дальше. Людей никого не зови, печную затворку открой, дверь входную – тоже открой. Потом залезь с Ромкой в печь, в уступ. Тихо там сидите! А уж после, когда вихрь уляжется, людей позови и меня схороните. Но пока в печке сидеть будешь, на Ромку поглядывай. Со страху заплачет – успокой. А захочет вылезти и ко мне подойти –

пусти его.

– Так ведь страшно... – с трудом удерживая зубовную дрожь, пробормотала Раиса.

– Не пустишь – еще больше испугаешься! – посулила бабка Абрамец и снова принялась перебирать траву, близко поднося то стебель, то корень, то листок поближе к глазам, всматриваясь в них, приносясь и лукаво косясь на Раису.

Может, она пошутила? Да навряд ли...

Раиса встала, взяла несколько готовых крапивных веников и, с трудом передвигая дрожащие ноги, пошла в сарай – якобы спрятать веники под сено. На самом деле ей хотелось побыть одной.

Много странного, непонятного и откровенно страшного пришлось ей повидать с тех пор, как ее, осиротевшую семнадцатилетнюю девчонку Раю Ходакову, устроившуюся посудницей в хабаровскую психушку, изнасиловали в кухонной подсобке два пациента. Это было настолько унижительно и гнусно, что жить после этого казалось невозможным. Когда насильники ушли, Рая, едва найдя силы шевельнуться, доползла до кухонного стола, нашарила ножик и шарахнула себе по горлу. Она истекла бы кровью и умерла, да только докторша Людмила Павловна Абрамова взяла и заглянула в подсобку в эту самую минуту. Отродясь ее на кухне не видели, а тут поди ж ты...

Рая, впрочем, к той минуте потеряла сознание и очнулась нескоро – уже на больничной койке, не чувствуя никакой бо-

ли в перевязанном горле, – а над собой увидела два озабоченных лица: самой Людмилы Павловны и сестры-хозяйки Алевтины Федоровны Чернышовой.

Попыталась что-то сказать, но Людмила Павловна приложила ладонь к ее губам:

– Не говори пока ничего, просто слушай. Не волнуйся ни о чем, я о тебе позабочусь. Тут из милиции приходили...

Рая с ужасом на нее посмотрела: стоило только представить, что надо будет чужим, посторонним людям рассказывать о том, как возились на ней, слюнявили и поганили ее два гнусных психа и как она потом попыталась покончить с собой... да, не зря матушка-покойница называла неумехой, у которой руки не туда вставлены, если даже этого сделать Рая не смогла!

– Да не к тебе они приходили, – улыбнулась Людмила Павловна. – О тебе никто не знает, кроме нас с Алевтиной Федоровной. А приходили они потому, что Попов и Капитонов подрались да с лестницы свалились. И вот же как не повезло им: оба шеи сломали да померли.

– Не померли, а подошли, – чуть слышно просипела Рая, потому что Попов и Капитонов – это были те самые подонки, которые ее изнасиловали.

– Подошли, подошли, – весело блестя глазами, согласилась Людмила Павловна, и Рая, неизвестно почему, поняла, что здесь не обошлось без Людмилы Павловны.

Вот подумала так – и тотчас поверила в это, потому что в

Людмиле Павловне всегда была некая особенная таинственность, опасная, но при этом чарующая, причем по больнице ходили смутные слухи о том, что она с некоторыми пациентами проделывает какие-то опыты... может людей заставить сделать то, что она им приказывает... а что, если она и этим двум сволочам приказала с лестницы кинуться? Захотела за Раю заступиться – и приказала! И за это заступничество, Рая знала, она будет Людмиле Павловне благодарна по гроб жизни! Вот только как жалкая судомойка сможет отблагодарить доктора Абрамову?

К ее изумлению, случай вскоре представился, да какой случай! Людмила Павловна открыла Рае свою тайну: она была беременна, и совсем скоро предстояло ей рожать. Однако Людмила Павловна по какой-то причине ни за что не хотела, чтобы окружающие об этом знали. Она опасалась чего-то – и для себя, и для ребенка. И предложила Раисе стать няней для будущего дитяти, помогать Людмиле Павловне скрывать его существование от всех остальных. Содействовать им должна была Алевтина Федоровна. Она помогла обеспечить Людмиле Павловне тайные роды, а потом выкрала у своей племянницы Эльки Чернышовой документы и зарегистрировала Эльку как мать младенца (его называли Романом), однако фамилию ему записала не Чернышов – а Роман Павлович Верьгиз. При этом в графе «Отец» стоял прочерк, однако на сей счет у Раи имелись некие подозрения, о которых она, впрочем, благоразумно помалкивала.

Рая жила с маленьким Ромкой в квартире, снятой для нее Людмилой Павловной на улице Ленинградской, неподалеку от психиатрической больницы, так что Людмила Павловна – хозяйка, как ее про себя называла Рая, – могла забегать к сыну довольно часто, хоть и укрдкой.

Рая была довольна своей новой жизнью – спокойной, чистой, сытой. Она не задумывалась о будущем, она любила Ромку как родного, да и он привязался к ней куда сильнее, чем к Алевтине Федоровне, а может быть, даже больше, чем к матери.

Но потом что-то случилось, и этой безмятежной жизни пришел конец... Пришлось спешно собирать вещи и чуть ли не бежать из Хабаровска. Хозяйка уклончиво объяснила, что Алевтина Федоровна погибла при пожаре, который случился в квартире Людмилы Павловны, а вместе с ней погиб и некий доктор Сергеев. Спокойствие, с которым хозяйка об этом сообщила, изумило Раю: ведь в больнице втихаря сплетничали насчет их с Сергеевым отношений, Раиса даже предполагала, что именно он был отцом Ромки... Еще больше Рая удивилась, когда Людмила Павловна – уже после того, как они перебрались в Москву, – показала ей новое свидетельство о рождении своего сына. Теперь его звали Павлом, фамилия была – Абрамец, а его матерью значилась никакая не Элька Чернышова, а Люсьена Павловна Абрамец. Оказывается, таким было подлинное имя Людмилы Павловны Абрамовой! Но это удивило Раю гораздо меньше, чем имя, которое те-

перь значилось в графе «отец». Это было отнюдь не имя доктора Сергеева, а какого-то другого, вовсе неизвестного Рае мужчины!

Впрочем, одного пристального взгляда Людмилы... то есть, простите, Люсьены Павловны, хватило, чтобы Рая перестала удивляться чему бы то ни было и опять приняла свою судьбу как нечто само собой разумеющееся: и поспешный отъезд их в Москву, и новую, безбедную жизнь там. Хозяйка начала работать ассистенткой у всяких знаменитостей – гипнотизеров и разных экстрасенсов, которых вдруг расплодилось великое множество. Гуляя с Ромкой (Рая никак не могла привыкнуть называть его Павликом, да хозяйка и не настаивала!), она видела расклеенные на заборах объявления об услугах величайших магов и колдунов нашего времени, ахала, охала, однако тихо подозревала, что ни один из них и в подметки не годится ее хозяйке, которая мало того что ее и Ромку могла успокоить одним взглядом, точно так же действовала на самых разных людей: на паспортистку в домоуправлении и на самого управдома, на участкового милиционера и даже на начальника милиции, и на соседей, и на скандальных таксистов...

Но потом опять что-то изменилось! Хозяйка начала исподволь готовить Раису к тому, что им грозит некая опасность, которую надо будет встретить не в панике и растерянности, а спокойно попытаться ее избежать, вернее, убежать от нее, скрыться. Сама хозяйка, конечно, отнюдь не была

спокойна, и тогда Рая, украдкой понаблюдав, как она ночь за ночью нервно вышагивает по своей спальне и часами стоит перед окном, мрачно глядя в темноту, робко заикнулась, не лучше ли им уехать из Москвы...

— С ума сошла, — дернула плечом хозяйка. — Где я еще такие деньжищи заработаю? К тому же только в Москве найдешь столько идиотов с их энергией... — При этих словах хозяйка облизнулась, словно отведала своего любимого блюда, и Рае показалось, что среди ее жемчужных зубок мелькнули два клыка, в точности как у вампиров, какие показывают в страшных фильмах, которые теперь, что ни вечер, валом валили по телевизору... но Люсьена Павловна бросила один взгляд, ласково улыбнулась... и Рая снова почувствовала себя спокойной и счастливой. Главное — беспрекословно слушаться хозяйку и поступать так, как она велит!

Ну что же, она именно так и поступила, когда тот седой стрелял в стоявшую на сцене хозяйку — и оказалась в эрзянской деревне Сырьжакенже. Прижилась у бабки Абрамец, которая показалась сначала такой страхолюдиной, а потом вроде бы и ничего, даже узнала много эрзянских слов, и это были не только названия трав... А в избе у старухи было совсем не так ужасно, как Раисе показалось было, во всяком случае, она не собиралась присматривать себе другое жилье и выгонять оттуда кого-то другого. Ромка в этой новой жизни вообще чувствовал себя как рыба в воде, очень к бабке привязался, ходил за ней хвостом, хотя относился к ней со-

всем не так, как к Раисе. Она была просто нянька, а бабка – его единственное родное существо. И это Раиса тоже принимала как нечто само собой разумеющееся, без всякой ревности, безмятежно встречая всякое новое утро и безмятежно отходя ко сну... и вдруг бабка Абрамец заводит разговор о том, что жизнь может перемениться! О своей смерти заводит разговор... но как же тогда будет жить Раиса? Что ей делать с Ромкой? Остаться здесь или уезжать?

– Эй, ты там не спишь ли? – послышался вдруг голос бабки Абрамец, и Раиса сообразила, что так и стоит в сарае около копейки сена, машинально стряхивая с себя прилипшие травинки и совершенно забыв о времени.

Нижний Новгород, прошлое

Ну что ж: делая хорошую мину при плохой игре и отчетливо скрипя зубами, Назаров бросил съемную квартиру в Москве (собственной покуда не выслужил, каково ретиво зубами ни щелкал и хвостом ни бил) и отбыл в Нижний, в материнскую квартиру. Та была не чета, конечно, московской: всего лишь двухкомнатная, на четвертом этаже панельной «брежневки» на улице со скучным и в то же время смешным названием Провиантская. А Женя, войдя в эту квартирку, почему-то обрадовалась: показалось, вернулась домой, в Хабаровск, где они с родителями и дедом жили точно в такой же, правда, трехкомнатной квартирке на Театральной улице.

К тому же ей сразу очень понравилась свекровь Галина Ивановна. По наивности решила, что Михаил при Галине Ивановне не будет пилить жену непонятно за что, не станет обвинять в том, что принесла ему несчастье. Однако Михаил пилил, да еще как, и заступничество матери, которой было смертельно жаль невестку, не помогало.

Михаил называл Нижний не иначе как деревенской помойкой, тосковал по московской тусне, по большим деньгам, которые привык тратить в ночных клубах не считая, по токсу в Останкине и буфетам Думы тосковал... А сюда уже дошли слухи о том, что журналист он опальный, Сами-Знаете-Кого прогневил, и хоть именно из Нижнего некогда вылутился первый демократический губернатор и любимец Первого Папы Глеб Чужанин, времена с тех пор переменялись до неузнаваемости! Чужанин теперь подвизался в оппозиционерах, охаивая всё, вся и всех, местные журналисты втихаря фрондерствовали, однако в основном под никами в соцсетях, особенно на Городском форуме nn.u – местном оплоте свободы слова. Популярность Фейсбука и даже ВКонтакте до провинции еще не добралась, ну и Михаил, установив безлимитный доступ в интернет, под ником Задолбанный Блокадник начал понемногу зависать на Городском, а потом расписался вовсю, давая волю своей ненависти ко всем подряд, особенно к главному своему гонителю. Он получал уровень за уровнем, его засыпала виртуальными подарками местная либшиза, его поощрял смывшийся в Испанию и оттуда по-

ливавший Россию дерьмом основатель и владелец форума... Михаил заигрался всерьез; вскоре ему предложили должность модератора, а за это уже платили деньги... Теперь он почти не покидал своей комнаты, а между тем во второй комнате лежала его наполовину парализованная после инсульта мать. Михаил выходил из своего «кабинета» только поесть, предоставив матери и жене жить вместе, в одной комнате, и заработанными деньгами почти не делился – откладывал их, мечтая когда-нибудь все же вернуться в Москву и снять там «человеческую квартиру».

Жене устраиваться на работу было некогда: она ухаживала за больной, так что жили очень скудно – на пенсию свекрови. Галине Ивановне был предписан в обязательном порядке массаж, но денег на массажиста не хватало, и тогда Женя, чуть ли не тайком скачав в интернете «Пособие по восстановительному массажу» и забив его в карманный ридер, который был выпрошен у мужа (от старых времен у Михаила осталось несколько таких штук, лэп-топов, смартфонов и ридеров, которые он иногда «толкал», чем и поддерживал свое существование, изредка, как подачку, швыряя небольшую денежку матери и жене), самостоятельно обучилась массажу.

К изумлению Жени, вдруг обнаружилось, что этими знаниями она словно бы уже обладала – причем на уровне интуиции. Она мгновенно овладела всеми приемами массажа, но при этом чувствовала не только тело, но и сам изболевший-

ся, истстрадавшийся, почти изготавившийся к смерти организм свекрови. И этой покорности, этой готовности к смерти Женя страшно испугалась. Здесь, в Нижнем, на чужой стороне, свекровь была единственным близким и родным ей человеком. Конечно, можно было вернуться в Хабаровск, к родным, и признать, что семейный корабль пошел ко дну, однако на кого она бросила бы Галину Ивановну? Михаил и пальцем ради матери не шевельнет. Вот выходит Женя свекровь – тогда, может быть, и вернется... Но при этом Женя прекрасно понимала, что гордость не позволит ей появиться перед семьей в роли несчастной разведенки без гроша в кармане. Если она все же приедет в Хабаровск, то не раньше, чем завоюет Нижний, который, кстати, ей очень понравился. Конечно, Волге до Амура – как до Луны, однако река красивая и величественная, ничего не скажешь!

Правда, Женя не слишком хорошо представляла себе, как, собственно, будет покорять Нижний... Но надеялась, что будущее подскажет. А пока ухаживала, как уж было сказано, за свекровью.

Галина Ивановна пошла на поправку удивительно быстро, и невропатолог, который приходил ее проводить, глазам не верил, наблюдая, насколько стремительно она восстанавливается. Он весьма скептически слушал, когда Галина Ивановна, все еще косноязычно, однако вполне членораздельно (массаж лица Женя ей тоже делала, оттого-то паралич лицевых мускулов отступал!) расхваливала «волшебные Женеч-

кины ручки». А та вспомнила деда Сашу, который обладал даром если не исцелять прикосновениями, то, во всяком случае, смягчать боль, и мысленно поблагодарила его. И порадовалась, что она не какой-то выродок в своей чудесной семье, не сквиб (книжки о Гарри Поттере были их со свекровью любимыми книгами!), а тоже чуточку волшебница. Что-то все-таки унаследовала она от деда и прадеда!

Доктор не слишком поверил рассказам о чудодейственном массаже и попросил Женю на пробу помассировать его руку, которая у него периодически опухала и немела после старого вывиха. Однако он коварно промолчал, что онемение это было следствием не вывиха, а редкой формы аллергии на антибиотики.

Доктор и сам едва не онемел, когда Женя, едва прикоснувшись к нему, сказала, что вывих теперь не будет его беспокоить, а вот от привычки гнать себя на работу, надо или не надо глотая антибиотики, ему надо избавляться, потому что он настолько испортил свое пищеварение, что неизвестно, как скоро ему удастся вылечиться и удастся ли вообще.

После этого сеанса невропатолог отправился к гастроэнтерологу, а слух о чудо-массажистке постепенно разнесся и среди его знакомых, и среди соседей Назаровых, и сарафанное радио заработало вовсю, и не успела Женя ахнуть, как телефон начал разрываться от звонков, а в дверь беспрестанно кто-нибудь стучал. За каких-то два месяца она стала известным человеком! Нижний Новгород хоть и не покорял-

ся пока, но уже не косился неприязненно и даже улыбался уголком рта.

Сначала Женя помогала людям «за просто так», потом начала брать за работу деньги, потому что надо же было на что-то жить: пенсии Галины Ивановны не хватало! Впрочем, брала она и продуктами, если пациенту нечем было заплатить. И чем дальше, тем больше нравилась ей эта работа, которую, повторяя слова какой-то соседки, начали называть «наложением рук». Диагнозы, которые ставила Женя, были безошибочны, хотя и звучали с точки зрения специалистов не слишком профессионально. Вот когда она пожалела всерьез, что не пошла в медицинский, хотя дед Саша просил и умолял. Опять он оказался прав, ее любимый старикан, а первый раз попал в точку, когда отговаривал ее идти замуж за Михаила и уезжать с Дальнего Востока...

Хотя кто знает, не окажись Женя в Нижнем, не начни ухаживать за умирающей свекровью, может быть, наследство предков так и дремало бы невостребованным?..

Между тем прошло два года, и Михаилу наконец осточертели «эти люди», которые постоянно толклись в их квартире и мешали ему бороться за виртуальную свободу и сводить виртуальные счета со злодейским Сами-Знаете-Кем, которого он считал своим личным врагом и супостатом. Лучшее средство избавиться от лишнего шума и полностью посвятить себя борьбе он видел в разводе с Женей.

Чтобы максимально сократить тягостную процедуру и на-

долго не покидать форум, Михаил выждал, пока Женя выскочила в магазин за продуктами, покидал ее вещи в чемодан и выставил на площадку, не обращая внимания на слезы и мольбы матери, которую потрясли его действия.

Потом он вернулся в свою комнату и закрыл за собой дверь, решив подать заявление в суд немного погодя – когда поменьше «ольгинских троллей» выползет на форум и он будет не так занят борьбой.

На счастье, ошарашенная Женя все же вернулась в квартиру как раз вовремя, чтобы успеть вызвать «Скорую помощь» к свекрови, у которой случился второй инсульт. Галину Ивановну повезли в больницу, но по дороге она умерла.

В этой смерти Михаил начал было обвинять Женю, но дела до конца не довел – долг модератора требовал не оставлять форум надолго! Он даже на кладбище не поехал – Женя провожала свекровь одна, и в церкви на отпевании стояла одна, и горсть земли на могилку бросала в одиночестве... Потом купила в «Блинной» на Покровке блинов с мясом (Галина Ивановна их любила, говорила, что такие вкусные у нее не получаются!), и бутылку «Шуйской настойки» на черносливе, тоже любимой Галиной Ивановной; половину сладкой настойки выпила, сидя на укромной лавочке в парке Кулибина (поскольку парк этот был некогда воздвигнут на месте разоренного кладбища, место для поминок было самое то!), заела холодными блинами – да и пошла домой, чтобы поставить Михаила перед одним интересным фактом: незадолго

до смерти, которую Галина Ивановна, похоже, предчувствовала, она попросила Женю привести нотариуса (Михаил, занятый непримиримой борьбой с «ольгинскими троллями» и «кремлевскими ботами», даже не заметил этого визита!) и подарила снохе свою долю в их приватизированной на двоих с сыном квартире.

Последовал скандал. Михаил даже напряг приобретенные благодаря форумской деятельности юридические связи, однако репутация нотариуса Светланы Константиновны Комаровой была светла и нерушима, кроме того, Женя нашла – по совету той же Комаровой – хорошего адвоката. Свекровь оставила ей свои простенькие золотые украшения и наказала продавать, «если прижмет». Они и пошли на оплату услуг адвоката. Словом, дарственную оспорить не удалось.

Утвердив права на жилье и повесив замок на свою дверь (Михаил иногда приходил в совершенно неконтролируемое бешенство и готов был разгромить комнату ненавистной супруги, а ее саму пришибить или придушить!), Женя первая подала документы на развод и размен квартиры – и начала искать работу.

Без диплома об окончании курсов, без всякого медицинского образования сделать это было невозможно. Тогда Женя поступила на очно-заочное отделение медицинского училища по специальности «Медицинский массаж», а сама продолжала частную практику в своей быстро купленной однокомнатной квартире – на первом этаже все того же дома на

Провиантской, только в самом крайнем подъезде, – ну а Михаил, плюясь, перебрался на окраину в Щербинки – зато в двухкомнатную квартиру!

Выйдя из загса, где им вручили свидетельства о разводе, Михаил со злорадным хохотком показал Жене документы на дом с большим земельным участком в какой-то деревне с непроизносимым названием неподалеку от Арзамаса: это было наследство покойного отца, которое досталось сначала Галине Ивановне, а потом, конечно, перешло Михаилу.

– Уж это ты у меня оттяпать не сможешь! – злорадно заявил он.

Женя только плечами пожала: ничего *оттяпывать* она не собиралась. И вообще, больше всего на свете хотела бы никогда не видеть своего бывшего мужа!

Ей это вполне удавалось в течение нескольких лет.

Все это время она вкалывала вовсю – Евгению Всеславскую (после развода Женя вернула девичью фамилию) с ее дипломом и многочисленными сертификатами по самым разным, даже экзотическим, видам массажа (она не пропускала ни одного значительного мастер-класса) наперебой зывали к себе самые престижные массажные салоны Нижнего Новгорода. Теперь Женя очень хорошо зарабатывала, смогла купить квартиру побольше – в новых домах на улице Ижорской, которая была фактически продолжением так полюбившейся ей Провиантской, – пару раз навещала Хабаровск, однако чувствовала, что в город детства она приезжа-

ет только погостить, а насовсем вернуться туда ей уже невозможно. Она выросла из этого города, и хоть тоска по родным иногда становилась невыносимой, у них-то уже была другая жизнь, гораздо больше связанная с подрастающим Сашкой Всеславским, чем с Женей.

– Дубовый листок оторвался от ветки родимой, – как-то раз сказал дед Саша, печально глядя на любимую внучку.

– Ну, надеюсь, не в степь укатился, жестокою бурей гонимый! И не засохнет, не увянет от холода, зноя и горя, не докатится аж до Черного моря! – усмехнулась Женя, перефразируя Лермонтова, которого дед Саша очень любил, а она – нет, кроме «Выхожу один я на дорогу», но как бывший филолог, да еще с прекрасной памятью, знала много стихов наизусть.

– Но все же оторвался, – констатировал дед. – Птичка вылетела из гнезда и уж не вернется. Теперь тебе надо свое гнездо свить, Женька.

Она усмехнулась уголком рта:

– Я уже пыталась, хватило надолго, спасибо, больше пока не хочу!

– Ты с Михаилом не видишься? – осторожно спросил дед.

– Судьба Онегина хранила! – передернула плечами Женя.

– Но у тебя кто-нибудь есть? – спросил дед еще осторожнее, и Женя снова пожала плечами:

– Не есть, но бывает, скажем так. Но это все несерьезно.

– Конечно, – кивнул дед, – когда *он* появится, ты сразу

поймешь. А может, и не сразу – но все же поймешь.

– А откуда ты знаешь, может, он уже появлялся, а я не поняла? – хихикнула Женя, диву даваясь, насколько же ей удобно и спокойно обсуждать с дедом Сашей свою личную жизнь! Ни с мамой, ни с отцом в голову не пришло бы откровенничать, да они к тому же настолько уважали право дочери на эту самую личную жизнь, что никогда не решились бы спросить, с кем она спит и спит ли с кем-нибудь вообще – а ведь именно об этом ее спрашивал сейчас дед Саша, хотя, понятно, облекал свой вопрос в самые что ни на есть интеллигентные эвфемизмы. Но, впрочем, Женя понимала, что дед Саша спрашивает не о сексе, которым Женя, яркая, красивая, веселая и остроумная не была обделена, а про любовь... но да, с любовью наблюдалась напряженка.

– Помнишь, я назвал тебе фамилию? – спросил дед.

– Чью? – рассеянно спросила Женя, которая начисто забыла их разговор перед свадьбой о некоем человеке, фамилию которого ей суждено носить, если уж сообразоваться с некими родовыми традициями, а сейчас вспомнила – и точно так же, как тогда, раздраженно тряхнула головой:

– Да ладно тебе, дед! Если бы все было так, как ты говоришь, он бы уже появился!

– Появится именно тогда, когда придет его время, – твердо заявил несносный старик, а Женя поторопилась свернуть этот бессмысленный, как она считала, разговор.

Вернувшись домой – то есть в Нижний, который теперь

стал ее домом, – Женя поняла, что разговор с дедом все-таки произвел на нее впечатление. Таясь от себя самой, она пребывала в непрерывном ожидании, что завтра должно что-то случиться знаменательное, но наступало это завтра – а ничего не происходило, и она опять ждала завтрашнего дня и даже с насмешливым интересом прислушивалась к фамилиям мужчин, которые иногда появлялись на ее горизонте, однако, совершенно как Марья Гавриловна из пушкинской «Метели», то и дело восклицала, пусть лишь мысленно: «Ах, не он, не он!» И когда однажды ее позвали к регистратору, сообщив, что ее «очень настойчиво спрашивает какой-то симпатичный мужчина», Женя, чего греха таить, насторожилась: а вдруг это явился именно тот, как его там?..

Однако это оказался опять не он, не он, а Михаил Назаров – бывший супруг, о котором Женя уже успела давно и прочно забыть и тихо надеялась, что они больше никогда не увидятся. Только вот ведь и эта надежда не сбылась!

Сырьжакенже, прошлое

Раиса быстро вышла из сарая, села около старухи и снова принялась вязать крапивные веники, которые должны будут отогнать порчу от тех бедолаг, на которых сама же бабка Абрамец ее и наведет.

– Да ты не колотись, – мягко сказала та. – Мое время, может, еще не сразу придет. Может, проживем еще.

– Да я что, да я ничего! – обрадовалась Раиса ее словам. – Я просто задумалась о том, что вы сказали – ну, про вашу дочку, мол, ее вам какая-то дева бросила.

– Не дева, а Ведява! – хмыкнула бабка Абрамец. – Хозяйка воды. Меня долго замуж никто не брал: мужиков и так мало у нас в деревне, а девок и покраше меня найдешь. Но мне пора уже было рожать. Годы идут! Как бы пустоцветом не помереть, а для нашей породы это невозможно. Обязательно кто-то нужен, кому силу можно передать! И вот появился тут один захожий-заезжий... Я во сне увидела, что у этого мужика порода такая же, как у меня, ну и затащила его на себя.

– А какая у вас порода? – спросила Раиса, хотя на самом деле ей хотелось выпросить, как молодая бабка Абрамец затащила на себя этого захожего-заезжего. Раисиному уму было непостижимо, как можно по доброй воле заниматься с мужчиной тем, что с ней делали в хабаровской психушке Попов и Капитонов.

– Порода моя – содыця, по-нашему – колдуны да ведьмы, – пояснила бабка Абрамец. – Настоящим содыця сотворить эждямо, то есть парня к девке присушить, – делать нечего. Вытираешь платком со своего тела пот, выжимаешь платок в вино и бормочешь кое-какие слова. Какие – я тебе не скажу, еще запомнишь, но беда будет, коли неправильно выговоришь или не в час ляпнешь.

– А вы – тоже эта... – заикнулась Раиса.

– Ну раз поладила с мужиком, значит, эта, – хмыкнула ста-

руха. — Только, видать, сильно я ему не по нраву пришлась, поэтому эждямо только раз и подействовало, а потом он ша-рахался от меня, как идемевсь от пурьгинепалакса⁶. Ну, я сделала тряпичную куклу, как у нас водится, и пошла к Ведяве. Куклу в воду бросила и жду, что будет. Поплывет по течению — мальчик родится у меня, а если потонет — знать, девчонка. А Ведява возьми да и выброси мою куклу на берег! Вот такой Люська и уродилась — не содыця путёвая, а отброс.

— Это почему? — изумилась Раиса.

— Да потому что все ее замыслы любому дураку с детства видны были, — буркнула бабка Абрамец. — Хотя грех жаловаться: ей сглазить человека было — как плюнуть. Она ж рано рожденная, семимесячная. У таких сглаз сам собой получается. Посмотрит кому-нибудь вслед — человек обязательно споткнется. На сыр глянет — засохнет сыр, на молоко — молоко свернется. Но сторожиться не умела: коли в ее след гвоздь вобьют — непременно оглянется, дура! Ну, народ начал о ней шептаться... Потом влюбилась она в Петьку Ромашова. А он на другой жениться решил. Так Люська задумала испортить молодых. Знаешь, как колдуны молодых портят?

Раиса изумленно покачала головой. Она ни о чем таком и слыхом не слыхала!

— Эрь-эрь! — чуть ли не с жалостью взглянула на нее бабка Абрамец. — Где ж ты жила, бедняга, что вообще ничего знать

⁶ Черт от чертополоха (*эрзянск.*).

не знаешь? Издавна колдуны портят свадьбы. И наши портят, и русские. Кто из вредности портит, кто за деньги, кто – чтобы силу свою показать и власть утвердить. Некоторые просто удержаться не могут по природе своей. Ну а кто – как Люська – из ревности. Но умные люди знают: чтобы колдуна спознать, надо платье невесты иголками утыкать. Проведет такой колдун по платью ладонью, пытаюсь учуять, где самое слабое место, куда легче всего порчу навести – да и уколется. Сразу видно, кто он! Вот так Люську и распознали. Но ладно, отпустили – пожалели, говорят. Конечно, не столько ее пожалели, сколько меня побоялись... Ей бы, дуре, угомониться, за ум взяться, а она затеяла кельмевтому сотворить. Знаешь, что это такое?

Раиса тупо покачала головой, которая уже шла кругом от незнакомых слов.

– Отсушка по-вашему, – снисходительно пояснила бабка Абрамец. – Отворот. – И вдруг, прижмурясь, завела сухим таинственным шепотком: – На той горе великой воды большое поле, посредине поля большая гора, вокруг горы зеленый луг, на горе ледяной холм, в том доме ледяная бабушка, ледяной кисель она подала, этим киселем Петра накормила, остудилось у Петра сердце, залезает на печку – не согревается. Как от того киселя остыло у Петра сердце, так пусть и от Дуньки остынет его сердце, пусть не нагреется весь век. Пувамс и сельгенес, Петр! Пувамс и сельгенес!

Раиса зашлась в истерическом смехе, прижимая к себе

крапивный веник.

– Чего ты, Рая, смеешься? – раздался рядом мальчишеский голос. – Ты не смейся! Пувамс и сельгенес значит – дунь и плюнь! Если так не сказать, кельмевтема не сбудется!

Рая вздрогнула. Это был Ромка. Все тот же маленький шестилетний Ромка, но как же по-взрослому серьезно, властно и, честно говоря, пугающе звучал его голос, когда он произносил эти странные слова!

– Не смейся, Рая! – уже сердито повторил Ромка. – А то худо тебе среди наших будет!

Рая сглотнула ком, вдруг застрявший в горле, и прохрипела:

– Не буду больше. Не буду смеяться!

– Да ты мой рудный, – умилилась бабка Абрамец. – Быстро растешь, быстро умнееешь. Ну иди, иди попей молочка, вадря⁷!

Ромка пошел в дом, а Рая бросила взгляд на его спину, вспомнила, что едва заметный хвостик на копчике увеличился (это она заметила, когда в прошлый раз мыла Ромку), и незаметно, под прикрытием крапивного веника, до боли стиснула руки, чтобы сдержать подступившие к глазам слезы. Казалось, шла она шла гуляючи лесом-полем и забрела на зеленую, нарядную лужайку, на которой надеялась передохнуть. Только устроилась, как вдруг заметила, что вовсе это не лужайка, а мшавая, болотина! И отсюда не выйти: сде-

⁷ Милый (эрзянск.).

лаешь шаг – увязнешь, пропадешь. Надо залезть на кочку и стоять на ней несходно. Тогда, может, спасешься. Но разве всю жизнь простоишь?.. Одна надежда – что-то вдруг изменится, помощь придет!

Вот только откуда бы ей прийти, помощи?!

– А Люська с Петькой Ромашовым рассчиталась-таки, – долетел вдруг до Раисы голос бабки Абрамец. – Овдовел он, но Люськи здесь уже не было: сбежала она, пока народ не разошелся от злости и не пожег нас с ней. Добралась до Москвы, устроилась там на завод, жилье ей дали. А мужика себе так и не могла найти. В сорок первом, как раз Москву бомбить начали, приехал Петька туда по каким-то делам, да шибко неочестливо с Люськой обошелся: попил у нее, поел, а потом ушел к другой бабе. А в ту ночь немцы Москву бомбили, ну и дом тот, куда он ушел, разбомбили. И тут возьми да и появишься *он*. Тоже Ромашов, только не Петр, а Павел... Люська такое письмо мне прислала, как сумасшедшая писала! От счастья сумасшедшая. Поспали они вместе, его на фронт угнали, Люська после того и родила Люсьеночку, внученьку мою. Но я ее так и не видела ни разу в жизни, только письма читала ее, а Люська своего мужика больше не видела ни разу... Все они теперь на тоначи⁸, свои да чужие, один Ромка мне остался в утешение, да только надолго ли?..

И стоило ей произнести эти слова, как из дому вдруг отчетливо донеслось:

⁸ Тот свет (эрзянск.).

– Калт-култ! Калт-култ! Калт-култ!

У бабки Абрамец посыпалась из рук трава. Старуха вско-
чила, бросила на Раису безумный взгляд своих выпученных
глаз, метнулась было в избу, да ноги у нее подкосились. Рух-
нула на колени, бессильно заскребла руками по земле, бор-
моча:

– Дымно... тёмно... тошно мне...

Раиса кинулась помочь ей встать, но старуха просипела:

– Ва! Вадо!⁹ – и, с трудом поднявшись, потащилась в избу.

Раиса стояла будто в землю врытая, не могла шевельнуть-
ся.

– Бабине, бабине! – испуганно заверещал из избы Ромка,
и Раиса бросилась к нему. Но чуть не упала в обморок, ко-
гда увидела, что крышка подпола откинута, бабка Абрамец
стоит рядом на коленях, кидает в подпол куски сырого мяса
и кричит:

– Жрите, твари! Мясо жрите, меня жрите, а больше нико-
го не троньте!

С грохотом захлопнула крышку, огляделась, но, кажется,
не увидела ничего, и Ромку с Раисой не увидела... Бледная,
трясущаяся, едва доковыляла до лавки, нога об ногу скину-
ла свои растоптанные карсемапели¹⁰ и неуклюже забралась
на лавку. Вытянулась на ней, пошевелила грязными босыми
ногами...

⁹ Прочь! Прочь от меня! (*эрзянск.*)

¹⁰ Башмаки (*эрзянск.*).

– Бабине! – снова завел плаксиво Ромка, но Раиса взмолилась:

– Молчи! Молчи, миленький! – и кинулась к неуклюжему шкафу, занимавшему чуть ли не полгорницы.

На нижней полке расстелена была пожелтевшая газета. Под нее Раиса спрятала те шерстяные носки, которые дала ей старуха, едва они с Ромкой поселились в ее доме. Носки были совсем новые, словно бы совсем недавно связанные из толстой и очень жесткой черной шерсти. Не зря бабка чуяла, что скоро час ее придет, подсуежилась Раису предупредить!

«Людей никого не зови, печную затворку открой, дверь входную – тоже открой. Потом залезь с Ромкой в печь, в уступ. Тихо там сидите! А уж после, когда вихрь уляжется, людей позови и меня схороните. Но пока в печке сидеть будешь, на Ромку поглядывай. Со страху заплачет – успокой. А захочет вылезти и ко мне подойти – пусти его», – вспомнила Раиса и, схватив Ромку за руку, потащила к печи. Это была приземистая, осадистая русская печь с широким устьем, и Раиса сначала втолкнула туда всхлипывающего от страха Ромку, а потом без труда забралась сама и свернулась клубочком, обнимая мальчика.

– А вдруг кто-нибудь печку затопит? – чихая от запаха сажи и холодного дыма, прошептал Ромка испуганно.

– Некому топить, – постукивая зубами от страха, еле говорила Раиса. – Бабушка, видишь, лежит...

– А эти, которых она покормила? – прошелестел мальчик,

и в это мгновение послышался легкий скрип. – Из подпола которые?.. Они не затопят?

Раиса не успела ответить. Прощумело что-то по избе, словно резко подуло из подполья, потом гроыхнуло – и Раиса вдруг поняла, что это откинулась захлопнутая бабкой Абрамец крышка. И, словно вырвавшись именно оттуда, понесло по избе вихрем, да таким, что у Раисы засвистело в ушах, да так остро, пронзительно, болезненно, что она зажала их руками.

«Господи, господи, спаси, сохрани!» – твердила Раиса про себя, молясь тому, кого не звала на помощь, даже когда ее мучили Попов и Капитонов. Всегда была от него далека, и он был далек. А сейчас вспомнила, чувствуя, что только Он, Отец Небесный, может в самом деле спасти и сохранить.

Внезапно что-то с силой ткнуло ее в бок. Раиса не заорала от страха только потому, что чья-то рука зажала ей рот. Холодная, дрожащая маленькая рука... и она не сразу поняла, что это Ромкина ручонка.

– Тихо, – прошипел он едва слышно. – Подвинься, выпусти меня, а сама тихо сиди!

– Нет, Ромочка... – зашептала было Раиса, крепче обнимая его, однако он снова ткнул ее в бок, да кулаком, да болезненно!

Раиса вспомнила, что велела делать бабка Абрамец, и, разжав объятия, слегка подвинулась, чтобы пропустить Ромку. Тесно было в устье, но мальчишка ужом проскользнул

мимо, выбрался из печи – и в избе снова засвистело, задрожало так, что у Раисы едва сердце не разорвалось от ужаса.

«Да живой ли он там?!» – подумала в отчаянном испуге, но высунуться не решилась. Сидела, тряслась, зуб на зуб не попадая, и даже не поверила ушам, когда наступила тишина: подумала, уж не оглохла ли, часом? И в этой гробовой тишине внезапно прозвучал напряженный голос Ромки:

– Рая, вылезай скорей, помоги мне!

Раиса, трясясь, на замлевших ногах, кое-как выбралась из печи и встала, озираясь – и буквально чувствуя, как волосы на голове дыбом встают. Встанут, наверное, если увидишь, как бабка Абрамец уже не лежит на лавке, а сидит с вытаращенными глазами, вцепившись в собственное горло, синюшная с лица, – и не поймешь, живая она или мертвая!

Если живая, почему глаза выпучены, будто у удушенной, а сама сидит окаменело? А если мертвая, то кто же посадил – и почему она не падает?!

– Рая, табуретку поддержи, а то качается! – раздался вдруг сдавленный голос, и Раиса, обернувшись, увидела, что Ромка стоит на цыпочках на колченогом табурете, который воздвигнут на стол и ходит ходуном. Балансирует на нем Ромка и пытается вытащить какую-то толстую щепу, застрявшую между бревнами под самым потолком. Раиса ее почему-то никогда не замечала раньше, эту щепу.

– Что ты, Ромочка? – робко спросила она, косясь на неподвижную бабку Абрамец, у которой, чудилось, все больше

синело лицо и глаза лезли, лезли из орбит. – Зачем тебе это?

– Надо! – пропыхтел Ромка, еле удерживая равновесие. – Держи табурет, сказано!

– Давай я сделаю, – робко предложила Раиса, однако Ромка взвизгнул яростно:

– Я должен сам!

Раиса покорно подошла к столу, взялась за табурет – и прямо перед ее глазами оказались Ромкины ноги в грубых вязаных черных носках.

«Что это за носки у него? – удивилась Раиса. – Откуда взялись? С утра в других был...»

– Есть! – вдруг радостно закричал Ромка. – Бабине, лети в могилку, да когда позову – являйся на помощь, да по своей воле гуляй калмазарьсе¹¹!

И снова шумнуло, свистнуло, грохнуло, что-то мутное пронеслось мимо Раисы, взвилось под потолок и исчезло в малой дырке – той самой, которую открыл Ромка, вытащив из бревен щепу.

Раиса в ужасе оглянулась – и обнаружила, что бабка Абрамец лежит себе на лавке: уже не синюшная, а просто бледная, с закрытыми глазами, и со сложенными на груди руками – и босыми ногами.

Босыми!

Это ее черные носки были надеты на Ромкины ноги. А черный камень – Сырьжакенже, ведьмин коготь – болтался

¹¹ На погосте(эрьянск.).

теперь на его шее.

Нижний Новгород, наши дни

Они не виделись... сколько уже? Лет десять? Ну да, около того. Честно говоря, встретить Женя бывшего мужа в уличной толпе, прошла бы мимо, не узнав. Может, так и случилось не раз: и проходила, и не узнавала. Но сейчас Михаил стоял в освещенном холле, словно давая рассмотреть себя как следует, и после минутного замешательства Женя узнала эти светло-карие глаза (когда-то она влюбленно называла их янтарными), и эту неизменную щетину на щеках – теперь, правда, не рыжеватую, а сильно присыпанную сединой, буд-то солью, и волосы – тоже рыжегато-седые, всегда очень коротко стриженные, а теперь висевшие неопрятными прядями.

Преодолев первый порыв – отвернуться и уйти, – приглядевшись, Женя обнаружила, что вид у Михаила не просто неопрятный, а откровенно замурзанный. Назвать его симпатичным могла лишь такая дура, как администраторша Любаша Пашутина, которая настолько истосковалась в своем затянувшемся положении старой девы, что ей всякий мужик казался симпатичным, особенно если улыбался ей так очаровательно, как умел это делать Михаил Назаров – а он умел, да, умел, ничего не скажешь, и умения этого за годы, похоже, не растерял, а легкая картавость придавала его голосу осо-

бенный шарм. И только Женя, которая, оказывается, забыла бывшего мужа не столь уж прочно, как ей казалось, могла распознать, насколько измученной и даже испуганной была эта его улыбка, когда он бросил:

– Привет!

Что-то с ним было не так, явно не так, и Жене почему-то стало вдруг очень тревожно, хотя «таки» и «нетаки» Михаила Назарова ее теперь не касались. Тем не менее она буквально вытолкнула незваного гостя на крыльцо и спросила, тщательно скрывая свое беспокойство:

– Чему я обязана приятностию нашей встречи?

– Узнаю филолога! – фыркнул Михаил, заводя глаза. – Без Гоголя, разумеется, ни шагу!

Это был никакой не Гоголь, а Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу», но Михаил фантастику не любил, да и вообще, этот чукча был не читатель, а писатель, вернее, писака – в минувшие времена, конечно, а вот теперь кем он стал? Обтрепался, опустился... неужели пришел денег просить?!

– Ну так чему обязана? – повторил она уже нетерпеливо.

– Женька, дай десять рублей, – придав лицу жалостное выражение, попросил бывший муж.

Женя только глазами хлопнула от изумления:

– Тебе что, до Сормова не хватает доехать?

Теперь настал черед Михаила хлопать глазами:

– Почему до Сормова?!

– Ну до Автозавода, – усмехнулась Женя. – Почему-то около «Спортмастера» мне вечно какие-то молодые придурки попадают, которые просят жалкими голосами: «Девушка, дайте десять рублей, не хватает до Сормова доехать!» Или до Автозавода, нужное подчеркнуть.

– Ты, как всегда, в облаках витаешь, – зло ощерился Михаил. – Неужели не знаешь, что такое десять рублей?

– Червонец, – пояснила Женя. – А что еще?

– Дура, – фыркнул Михаил, который никогда не лез в карман за эпитетами такого рода. – Десять рублей – это значит десять тыр. То есть десять тысяч рублей. Теперь все так говорят.

– Не все, – пояснила Женя. – Я не говорю.

– Понял уже, – буркнул Михаил. – Так дашь десять тыр?

– А с какого перепугу? – осведомилась Женя.

– Мне надо костюм приличный купить и ботинки, – сообщил Михаил.

– Понимаю, – окинула его Женя уничижительным взглядом и повернулась, чтобы уйти, но Михаил схватил ее за руку и заставил повернуться:

– Ты меня послушай! Это важно. Думаешь, я прямо с печки взял да упал – денег у тебя просить?

– С дуба рухнул? – уточнила Женя. – Слетел с катушек? Потерял крышу? Кукушка у тебя улетела? Пиндыкнулся? Вольтанулся? Крезанулся? Мне известны еще некоторые синонимы, однако перечислять не буду: неформальной лекси-

ки стараюсь избегать!

– Жень, не вредничай и не сокращай процент, который я тебе начислю, когда в новом костюме схожу куда надо и вернусь миллионером, – высокомерно попросил Михаил.

– Ты? – пренебрежительно фыркнула бывшая жена. – Ты, Миша?! Похоже, и впрямь крышняк отчалил.

Михаил мученически закатил глаза и пробормотал:

– Понимаешь, я, конечно, могу пойти за деньгами к кому-нибудь из знакомых. Но опасаясь, что, когда все им расскажу, живым от них не выйду. А ты меня, по крайней мере, не зарежешь и не отравишь, хотя не станешь отрицать, что в былые времена об этом мечтала?

– Не стану отрицать, – кивнула Женя. – Но те времена давно прошли. А ты не изменился: все врешь и цену себе набиваешь.

Внезапно Михаил с силой стиснул ее руку и дернул к себе.

– Дурищщщца! – прошипел с ненавистью. – Я золотом разжился, ты понимаешь? Золотищщщцем! И камушками. Да какими! Я ничего подобного и во сне не видел! По самым скромным прикидам, около миллиона, причем не рублей, а... – Он многозначительно прищелкнул языком. – Сама понимаешь. Если поторговаться, можно и больше взять. И я знаю чела, которому можно золотишко продать. Алик Фрунзевич его зовут. У него антикварный салон на Покровке, в Доме культуры Свердлова. Но сама посуди: приди я в таком виде, он со мной всерьез говорить не станет – он меня по-

шлет подальше. И правильно делает. Я бы и сам такого продавца послал в том же направлении. А когда я приоденусь, в порядок себя приведу, портфельчик, ну, там, не знаю, фирмы Монблан, что ли, открою, всё чин чинарем – со мной совершенно в другой тональности говорить будут.

– У меня была недавно клиентка, которая хвасталась, что мужу портфель Монблан покупала на юбилей, – сказала Женя, с силой выдергивая руку и потирая красные пятна, которые на ней оставили пальцы Михаила. – Не бедная дама! Девяносто тыр, как ты выражаешься, выложила как одну копейку. А ты собираешься на десять тысяч и одеться, и обуться, и прочий декорум создать? Тебе в парикмахерской придется не меньше трех тыр оставить, чтобы приличный вид приобрести! Так что десяти тебе мало. Тебе уж самое малое полтинник нужен, чтобы должным образом пыль в глаза пустить понимающим людям.

– Полтинник – это, конечно, лучше! – обрадовался Михаил. – Гораздо лучше! Дашь?

– Не сходи с ума, – холодно посоветовала Женя. – Ничего я тебе не дам. Ни десятку, ни полтинник, ни десять рублей до Сормова доехать. И все, хватит голову мне морочить, сейчас клиентка придет. Чао, бамбино, сорри!

Клиентов на сегодня у нее больше не было, но ласы точить с Михаилом сил тоже больше не осталось.

Бывший муж мгновение таращился на нее безумными глазами, потом в них вспыхнуло бешенство, а потом... по-

том он вдруг громко всхлипнул и заплакал. Ну да, залился слезами и упал перед Женей на колени.

– Женька, помоги! – возопил чуть не в голос. – Ну никак мне нельзя тут продешевить. Появился шанс в кои-то веки вылезти из той задницы, в которой я уже который год сижу по милости Сама-Знаешь-Кого! Разбогатею, уеду в заграницу – и не оглянусь на наш Мордор. А тебя отблагодарю, обязательно, вот чем хочешь клянусь. Могилой матери клянусь!

– А ты знаешь, где ее могила? – холодно спросила Женя, глядя свысока. – Ты же не видел никогда ту могилу! Ты же там ни разу за все эти годы не побывал! Всё! Хватит трепаться! Некогда мне!

И она повернулась было, чтобы уйти, но Михаил одной рукой вцепился в подол ее форменной блузы, удерживая, а другой принялся шарить за пазухой, пытаясь что-то вытащить оттуда и бормоча при этом:

– Не веришь? Не веришь? Ну так смотри, сейчас покажу!

– Евгения Вячеславовна, у вас все в порядке? – раздался голос, и Женя, полуобернувшись, увидела на крыльце охранника Лешу Петренко, который стоял в картинной позе, демонстрируя свою весьма впечатляющую фигуру футболиста, волейболиста, хоккеиста, культуриста, самбиста, дзюдоиста, каратиста и еще какого-то – иста, но Женя постоянно забывала, какого именно.

– Все в порядке, спасибо, – кивнула она, а Михаил испуганно выпустил полу ее халата и сжался в комок на крыль-

це, словно опасаясь, что Леша Петренко сейчас применит к нему все известные ему приемы классического боя. Сам же Назаров, похоже, знал только один прием: лежачего не бьют, – вот и решил применить именно его.

И тут Жене стало его жалко – так жалко, как не было никогда в жизни! Все-таки она его очень сильно любила – когда-то давным-давно, – и он ее любил, пока жизнь его не сломала, и свекровь Галина Ивановна была ей поистине родной матерью... вот в память о ней Женья и выхватила из кармана халата две пятитысячных бумажки, которые составляли ее сегодняшний заработок, и сунула Михаилу в руку:

– Вот. Держи. И не морочь мне больше голову!

Она взбежала на крылечко, втокнула в дверь гору мышц, которая звалась Лешей Петренко, и, буркнув:

– Инцидент исперчен! – пошла в свой кабинет, оставив футболиста-дзюдоиста и прочая, и прочая, и прочая размышлять над смыслом ее слов, поскольку Леша был живым подтверждением расхожей истины о том, что мышцы с мозгом не дружат.

В кабинете Женья быстро выпила воды из-под крана и плюхнулась на массажный стол, чтобы немного расслабиться.

Настроение было препоганое. И не только потому, что жалела денег – а Женья их жалела-таки, конечно, ведь целый день за них горбатилась! – сколько потому, что Леша Петренко появился так не вовремя. Еще немного – и Михаил

показал бы ей свои несметные сокровища! Ну, может, и не слишком несметные, но все-таки!

А теперь поди гадай, наврал он с три короба и просто развел Женю на извечную бабью жалость, или...

Или в самом деле нашел клад?

Ну, теперь уж не узнать!

Однако Женя снова ошибалась, потому что через час, выйдя из салона и пройдя буквально несколько метров, она увидела Михаила.

Он стоял у стены, делая вид, что читает листовку, которая появилась тут около недели назад и извещала об исчезновении какой-то Светланы Хазановой. На самом деле никакая Светлана Хазанова и ее исчезновение Михаила, конечно, не интересовали, потому что, лишь только заведя Женю, он бросился к ней.

– Женька, ты погоди! – жарко воскликнул он, заметив, как она запнулась от неожиданности, и решив, что бывшая жена сейчас бросится наутек. – Пойдем поужинаем, я черт знает сколько времени ничего человеческого не ел. А пока будем лопать, я тебе всё расскажу. И покажу! И ты поймешь, что я не вру!

– А зачем тебе надо, чтобы я это поняла? – спросила Женя. – Тебе уже лет десять как наплевать на мое понимание или непонимание.

Михаил что-то забубнил на тему некогда близких людей,

сильно любивших друг друга: дескать, Женька у него единственный родной человек, пусть и в прошлом родной, но все-таки, как-никак, не чужой!

Она слушала и с трудом сдерживалась, чтобы не бросить ему в лицо, что это не как, а именно никак, что они совершенно чужие друг другу люди, причем всегда такими были, а не стали вдруг после развода, и вовсе не какая-то выдуманная близость и родственность побуждает Михаила рассказать ей о своих приключениях и показать свое сокровище, а просто до смерти охота ему похвастать неожиданно свалившимся богатством, охота, чтобы Женька ахнула, чтобы у нее глаза от жадности заблестели, чтобы она перестала взирать на него со своим этим невыносимым высокомерием, а заюлила бы, замахала ресницами, залебезила, тоже заговорила бы о том, что да, Михаил прав, они близкие люди, а значит... а может быть...

Черта с два!

Очень захотелось высмеять Михаила и уйти, но что-то остановило Женю.

Любопытство? Наверное. Или предчувствие какое-то?..

Она не знала почему, но все-таки вошла вслед за Михаилом в маленький как бы итальянский ресторанчик, который назывался «Траттория», где бывший муж попросил принести свою любимую пиццу «Маргарита» (Женя ее ненавидела!), ну а она – салат «Цезарь», который заказывала во всех ресторациях, в которых бывала, потому что обожала его, ну

а Михаил, понятное дело, ненавидел.

«Даже если услышу сплошной художественный свист, хоть удовольствие получу, – утешила себя Женя. – Давненько «Цезаря» не едала!»

– Может, выпьем? – робко спросил Михаил. – Ты будешь? Красненького...

– Я ненавижу красное вино, забыл? – буркнула Женя. – Хочешь пить – пей. Я не буду.

Принесли бутылку вина. Михаил выпил бокал, другой, неаккуратно раскромсал «Маргариту», проглотил половину жадно, почти не жуя, запил остатками вина – и с деловым видом положил руки на стол:

– Ну, слушай!

Женя с удовольствием отложила вилку – «Цезарь» в этой «Траттории» оказался просто никудышным! – и с таким же деловым видом кивнула:

– Ну, слушаю!

– Помнишь, когда мы разводились, я тебе говорил, что мне достался дом в деревне под Арзамасом?

Женя отлично помнила, как Михаил рассказал ей про этот дом и бросил мстительно: «Уж это ты у меня оттяпать не сможешь!» Но из вредности покачала головой и равнодушно ответила:

– Нет, не помню. А ты в этом доме клад нашел, что ли?

– Да ничего я не нашел! – отмахнулся Михаил. – Я его продал одному человеку, и он заплатил мне золотом и ка-

мушками.

Сыр-жакен-же, наши дни

– Мне здесь нравится, – прошептала Валя. – Мне здесь очень нравится!

Она улыбнулась, и Трапезников улыбнулся в ответ, стараясь, чтобы жена не заметила: он изо всех сил растягивает уголки рта. Плохо получается, наверное, но тянет изо всех сил!

Место красивое, слов нет. Тишь да гладь да божья благодать! Все картинно-красивое: от бережка, плавно спускающегося к реке, до деревенской улочки. А уж дом, в котором знахарь Верьгиз вел прием, вообще словно бы сошел с иллюстраций Билибина. А может быть, и Зворыкина, Трапезников не стал бы спорить, чьих именно. Словом, все чрезвычайно красиво, удобно, уютно. Располагающее и доверие внушающее!

Сам знахарь Верьгиз тоже весьма располагал к себе участливой и в то же время несколько отстраненной, даже слегка таинственной манерой общения, которая предполагала некую запредельную компетентность и право на священнодействия. Он выглядел весьма эффектно в своей национальной одежде, которая очень шла и ему, и вообще всей атмосфере этой старинной, тихой деревни. В первые минуты знакомства Трапезников, на пару с женой, радостно поверил,

что здесь-то их трехлетние мучения и шатания-мотания по врачам и культовым местам (и в Муромский женский монастырь они ездили, и в церкви Марии Цамбики на Родосе, в деревушке Архангелос, молились, и через Ворота желаний в Алании проходили, ну и, само собой, Валя сидела на Девичьем камне в Голосовом овраге в Коломенском, а Трапезников – на мужском камне, который звался Гусь) кончатся. Тайное эрзянское ведовство даст результат! Но это было сначала...

Иногда Трапезникову казалось, что он сам восстановил против себя Верьгиза, когда, заметив болтающийся на его шее блестящий черный камень, формой напоминающий коготь, не удержался и воскликнул:

– Ух ты! Неужели белемнит? Чертов коготь?

Верьгиз явно оторопел, глаза его неприязненно блеснули:

– С чего вы взяли?

Трапезников удивился: неужели знахарь и сам не знает, что собой представляет этот загадочный камень?!

– С того, что я геолог по образованию, – пояснил он. – Сейчас возглавляю небольшую фирму, которая, по заказу градостроительного управления, исследует пласты почвы в местах, предназначенных для строительства новых районов – чтобы не наткнуться при рытье котлованов на подземные реки, на залежи зыбучих песков и прочие неприятности такого рода. А что касается белемнитов, я когда-то курсовую по ним писал. Оттого и знаю, что белемниты – останки

головоногих моллюсков, жителей мезозоя. Раковина-ростра была своеобразным скелетом этих моллюсков, похожих на кальмаров, – и довольно прочным скелетом, богатым кальцием! Строго говоря, «скелет» имел более сложное строение, но не стану обременять вас деталями, поскольку все равно сохранились только ростры. Когда мезозойские моря отступали, их обитатели оставались на суше, вымирали, и окаменелые ростры довольно часто встречаются в горных породах и в земле. Они были известны еще древним эллинам, которые называли их белемном, то есть метательный снаряд: ведь белемниты по форме и впрямь напоминают наконечник стрелы или копья. А на Руси их называли чертовым пальцем или чертовы когтем: из-за этой пугающей формы, похожей на коготь огромного зверя или чудища. Называли также громовой стрелкой, путая со стекловидным или камнеобразным сплавом, возникшим от удара молнии в песчаную почву. На самом деле белемнит и громовая стрелка – принципиально разные образования, и состав у них разный. Ваш – редкостный образец, во-первых, потому что сплошь черный, а во вторых, потому что так причудливо изогнут. Белемниты обычно прямые. Ваш вполне достоин попасть в экспозицию геологического музея.

– Ой, – перебила Валентина, с извиняющимся видом глядя на Верьгиза, который мрачно сверкал глазами, слушая Трапезникова, – стоит Саше заговорить о камнях, он сразу лекции начинает читать...

– Ну что ж, спасибо за лекцию, – улыбнулся Верьгиз. – С удовольствием послушал, честное слово!

Насчет удовольствия Трапезников сильно сомневался. Глобально-самоуверенные личности вроде Верьгиза не выносят, когда кто-то превосходит их знаниями, хотя это нелепо: невозможно ведь знать всё на свете!

И потом, чем дальше шел разговор, тем отчетливей Трапезников ощущал смутную, почти необъяснимую настороженность, и это, конечно, не мог не чувствовать проницательный Верьгиз, это не могло его не раздражать! Так что воздух между ними постепенно накалялся, однако Трапезников постоянно себя уговаривал успокоиться, но все же сорвался, когда, после трехдневного обследования Валентины, знахарь вдруг спросил:

– Почему у вас с женой фамилии разные? Вы – Трапезников, она – Пожарская.

– А это здесь при чем? – удивился Трапезников.

– Если не секрет, ответьте, пожалуйста, – настаивал Верьгиз.

Валентина смутилась:

– Понимаете, моя фамилия в смысле историческом восходит к очень давним корням. Я родом из Юрина...

– Из Юрина?! – изумился Верьгиз. – Да ведь мы, получается, земляки!

– Ах нет, – улыбнулась Валентина. – Вы имеете в виду здешнее, арзамасское, Юрино, где находится знаменитая

усадыба Шереметевых, а я говорю о Юрине Балахнинского района: это было родовое имение князя Дмитрия Пожарского, и именно оттуда его призвал возглавить второе нижегородское ополчение Козьма Минин – кстати, он был уроженцем Балахны. Так вот: я являюсь одним из прямых потомков князя Пожарского, и эта фамилия свято сберегается в нашем роду. Именно поэтому я и не меняла ее, так же, впрочем, как мои бабушки и прабабушки.

– Понятно, – протянул Верьгиз. – Впрочем, это детали, которые не играют роли. А по сути я вот что могу сказать: вина в бесплодности вашей семьи лежит на мужчине.

Возмущенный Трапезников даже вскочил:

– Да я уже не знаю сколько анализов сдал! Все показывают, что я совершенно здоров и произвести потомство способен.

– Ну, анализы... – пренебрежительно протянул Верьгиз. – Вы можете быть уверенным в себе, во-первых, если у вас есть дети на стороне, а во-вторых, если вы на сто процентов убеждены, что это ваши дети, а не другого мужчины. Итак, у вас есть дети на стороне?

От столь бесцеремонного вопроса Трапезников растерялся до того, что даже онемел. Сидел, водил глазами от Верьгиза к Валентине – и вдруг обнаружил, что у нее глаза наливаются слезами. Вырвался из глупого оцепенения, вскричал:

– Да что за ерунда! Нет у меня никаких детей на стороне! Нет и не было. Я своей жене не изменял. Валентина, в чем

дело, что за трагедия, ты мне не веришь, что ли?!

Она опустила ресницы, и две слезищи скатились по щекам. Трапезников в это мгновение почувствовал такую ярость, что с удовольствием наорал бы на жену, да еще матом бы ее покрыл.

– В любом случае, – прервал тягостную сцену Верьгиз, – я должен провести обследование.

– Что, опять анализы сдавать? – зло хмыкнул Трапезников. – Рукоблудствовать прикажете? Надоело, знаете ли!

– Ну вы же не станете требовать, чтобы я предоставил вам безупречно плодовитую молодую в качестве подопытного экземпляра, – фыркнул наглый Верьгиз. – Придется кое-какие процедуры пройти – поверьте, совершенно безобидные, в самом деле безобидные! – которые позволят нам точно установить, из-за кого не происходит зачатие.

– А это долго? – буркнул Трапезников. – А то мне завтра пораньше на работе нужно быть, а до Нижнего часа три гнать самое малое.

– Будете на работе, – покладисто согласился Верьгиз. – Но только до пяти утра вы отсюда не сможете выехать.

– Почему?

– Мы должны прогнать мимо вас стадо, идущее на пастбище. В этом и будет состоять проверка. А пастухи собирают его по деревне как раз к пяти часам. Как только стадо пройдет, вы сможете немедленно уехать.

– Погодите, – озадачился Трапезников. – А я что должен

делать? Просто стоять?

– Можете стоять, – кивнул Верьгиз. – Можете бегать и прыгать. Успокойтесь, покрывать коров вам не придется.

– Надеюсь, – буркнул Трапезников. – Вообще что за бредовый способ вы придумали?!

– Я? – усмехнулся Верьгиз. – Это старинный мордовский способ проверки способности мужчины к оплодотворению женщины. Неофициальный, конечно, – знахарский, колдовской, если хотите, но очень точный. И не раз испытанный.

– Так я не понял, в чем способ выражается-то? – прервал его Трапезников.

– Коровы во время охоты – так называется их готовность принять быка и совокупиться с ним, – ведут себя очень своеобразно. У них начинается третья степень течки – не буду вдаваться в подробности ее описания! – и они начинают проявлять интерес... о нет, не только к быку! Они чувствуют любое существо мужского пола, способное к продолжению рода. Скажем, если пустить в это время в стадо вола, то есть кастрированного быка, они пройдут мимо. Но если там появится бык-производитель, они начнут гулять вокруг. И если вы в данном случае – производитель, они загуляют и вокруг вас. Хвосты начнут поднимать, ластиться к вам... Да не беспокойтесь, говорю! – воскликнул он уже с досадой. – Если вы бесплодны, к вам ни одна корова даже близко не подойдет!

Трапезников нахмурился. Глупость глупейшая. Он не сомневался в своем здоровье, а потому отчетливо представил

коров, которые подходят к нему, ласково мыча, – и даже всхлипнул, сам не понимая, то ли подавляет гомерический смех, то ли не менее гомерический мат. Но Валя смотрела так жалобно, так нежно, так медленно катились слезы по ее щекам, что любящий муж, конечно, сдался.

На этом разговор закончился было, но когда Трапезников повел жену к машине, чтобы отвезти ее в Арзамас (на время обследования у знахаря-чудодея они поселились там в гостинице), из дому вышла Раиса Федоровна – скромная, приветливая женщина, какая-то вроде бы родственница Верьгиза, а по совместительству его помощница, – и сказала, что Валентине уезжать не стоит, ей теперь придется переселиться в дом Верьгиза: в отдельно стоящий удобный дом с большим белым, все еще цветущим садом, который спускался прямо к речке Лейне, где и будут проводиться основные лечебные процедуры, поскольку в этой речке, судя по старинным сказаниям, обитает сама богиня вод и покровительница женского плодородия Ведява.

– А почему эти процедуры не проводили, пока я здесь был? – недовольно спросил Трапезников.

– Потому что это тайная женская магия, чисто женская, и участие мужчин в этом таинстве строго запрещено, – пояснила Раиса Федоровна.

– А Верьгиз уже не мужчина, что ли? Он-то каким боком должен участвовать, если это чисто женская магия? – возмутился Трапезников.

– Сашенька, ты ревнуешь, что ли? – раздался сладкий, счастливый шепот Валентины, и Трапезников крепко обнял жену, почувствовав не раздражение, а давно забытые жалость и нежность к ней. Ну да, его раздражало, его злило это почти маниакальное желание Валентины забеременеть как можно скорей, ужас перед тем, что это не получалось, истерика после наступления каждых месячных, «восхождение» на супружеское ложе, как на место некоего священнодействия, выбор поз не для наслаждения, а для более верного зачатия... Но когда он пытался вести какие-то успокаивающие речи, приводить в пример знакомые пары, которые спокойно ждали рождения ребенка и три, и пять, и семь лет, не превращая свое ожидание в истерику, не бросаясь взаимными упреками, не отравляя друг другу жизнь, Валентина плакала и твердила, что боится Александра потерять, что он, конечно, до сих пор думает: она его обманула, сообщив о том, что беременна, потому он на ней и женился, а она возьми да и ошибись в своих месячных днях... И теперь Трапезников с нежностью подумал: как хорошо, когда есть на свете кто-то, кому он до такой степени дорог, кто до дрожи опасается его лишиться... И жаль ему стало, что влюбленность его в Валентину, счастливая, романтическая, трепетная влюбленность, растаяла, – и ладно бы хоть под ярким жгучим солнцем новой страсти, но нет – растеклась невзрачной лужицей равнодушия. Он, конечно, промолчал о том, что не было в его реплике ревности – было просто недоумение. Валентина

так обрадовалась, что жаль было бы ее разочаровывать, тем более что Раиса Федоровна и не дала ему ничего сказать, торопливо перебив:

– Вы не беспокойтесь. Валя будет жить вместе со мной и другими нашими посетительницами. У них у всех общая беда – и решать ее лучше сообща. Верьгиз будет являться только на лечебные процедуры, связанные с Ведявой. Все остальное время женщины будут проводить вместе – ну и я с них глаз не спущу, конечно. Вам совершенно не о чем волноваться!

– Вот видишь, – ласково шепнула Валентина, поцеловала мужа и ушла вместе с Раисой Федоровной в дом.

А Трапезникову никто не предложил ночлега, поэтому он уехал в Арзамас, немного поспал в гостиничном номере, поставил будильник на половину четвертого утра, быстро собрался, расплатился, чтобы уже не возвращаться и не тратить время, и без четверти пять примчался на окраину поля, примыкавшего к деревне. Это место еще вчера указал ему Верьгиз.

Пока ехал, сумерки разошлись, и, хотя село еще было занавешено белесым туманом, рассветное солнце уже пробиралось в небо, торя себе дорогу между розовыми перистыми облаками.

Это было красиво, это было так красиво...

Машину Трапезников поставил в стороне от дороги, под

прикрытием рощицы, и встал рядом с плетнем, который отделял луговину от проселочной дороги. Сейчас, в июне, поле уже порядочно заросло, и на фоне яркой зелени особенно уныло смотрелся прошлогодний, почему-то неубранный стог сена. «Хозяева нерадивые какие!» – подумал закоренелый урбанист Трапезников. Серебрилась роса в рассветных лучах, остро, свежо, сыро пахло травой, и Трапезников вдруг порадовался за коров, которым, конечно, надоела за зиму сено-солома, и они с удовольствием жуют зеленую травку.

Тут же из глубины души высунулся упомянутый урбанист с привычной иронической ухмылкой: эк тебя разобрало на пленэре, Трапезников!

Тут со стороны деревни донесся протяжный гудок, и урбанист был изгнан, а Трапезников умилился: он знал – из книг, конечно! – такое словосочетание: пастуший рожок, но сейчас слышал его впервые. Это было... экзотично. Это было волнующе! Потом на дороге, в лучах медленно восходящего солнца, пронизывающего медленно оседающий туман, показалась какая-то темная масса.

Стадо!

Трапезников отступил к ограде, чтобы не маячить поперек пути коровушек. Рожок зазвучал снова, громко выругался пока не видный Трапезникову, идущий вслед за стадом пастух, щелкнул его кнут, и вдруг, словно этот звук щелкнул Трапезникова прямоком по мозгам, он понял, что Верьгиз решил просто-напросто подшутить над ним. Надо быть, ко-

нечно, не просто урбанистом, а законченным, самым тупым на свете урбанистом, именно таким, как Александр Трапезников, чтобы поверить, будто корова, как бы она ни желала простого, незамысловатого и безотлагательного секса, начнет кокетничать не с быком, а с человеком! Вот разве что томно попросит поцеловать, как в известном анекдоте про искусственное осеменение. Ну, покосятся на Трапезникова коровы да и пройдут мимо, а потом Верьгиз заявит торжественно: «Я же вам говорил! Вы бесплодны!»

Ну ладно, и что тогда? Тогда получится, что в Сырьжакенже должен остаться на лечение сам Трапезников, а Валентине здесь делать нечего?

Глупо думать, что Верьгиз затеял это ради того, чтобы избавиться от Трапезниковых. У него не так много клиентов: Трапезников видел только трех женщин, к которым теперь присоединилась Валентина, – а каждый сеанс стоит пять тысяч в день. В интересах знахаря тянуть излечение Валентины как можно дольше. Или Верьгиз надеется, что вместо жены останется муж? Ну да, Трапезников будет бродить по саду в сероватом балахоне (такое было правило в «народной лечебнице» Верьгиза: от городской одежды избавиться, надеть домотканое, из натуральной ткани и сыромятной кожи, чтобы не затруднять общение с природой!), ходить на поклон к Ведяве... Или у них, у эрзян, есть не только чисто женская, но и чисто мужская магия, и покровитель мужской плодовитости какой-то другой бог? Какой-нибудь Хренава?

Вряд ли Верьгиз мог на это рассчитывать, все же он не дурак!

Тогда что это? В самом деле просто шутка?

Довольно глупая шутка, если так!

Или это что-то другое? Но что?! А кстати, как Верьгиз узнает, польстились коровы на Трапезникова или нет? Что, он где-то неподалеку устроил себе наблюдательный пункт? Или экспертом назначен пастух?

А вот появился и он...

Нижний Новгород, наши дни

– А тот человек – он из Эмиратов приехал, что ли? Или из Якутии как минимум? – осторожно спросила Женя.

– Почему? – вытаращился Михаил. – С чего ты взяла?

– С того, что я как-то слабо себе представляю человека, который за простой деревенский дом платил золотом и, как ты выражаешься, камушками! – фыркнула Женя.

Да, похоже, Михаил решил ей голову поморочить. Вот ведь любопытная Варвара, нашла кому верить!

– Короче, слушай – и не перебивай! – сердито приказал Михаил. – Дело было так. Я, когда наследство получал, не знал, что в этом деревенском доме живет отцовский двоюродный брат. Я его только один раз в жизни видел – такой, знаешь, деревенский бирюк, до двух умеет считать, не больше, но не дурак. Я съездил в ту деревню, поговорил с этим

дядькой, и оказалось, что у него ни жены, ни детей, он одинокий, родни, кроме меня, нет. Он сказал, что выгнать я его из дому не могу: он, во-первых, прописан там, а во-вторых, как бывший афганец имеет какие-то льготы ветеранские, черт их знает. Ну мы и сговорились, что я никакой судебной волокиты не затеваю, а он мне, пока жив, часть своей пенсии афганской переводит – как бы за квартиру платит, понимаешь?

– Фу! – с выражением неприязни на лице сказала Женя.

– Да ладно тебе! – возмутился Михаил. – Ему, деревенщине, эта пенсия на кой хрен? Картошку покупать? Так у него картошка и так на огороде растет, хоть зажрись! Он сам предложил, я согласился, ему хорошо, мне неплохо. Короче, мы сговорились, я уехал в город, начал от него получать переводы, так пролетело сколько-то там лет, и вдруг две недели назад приходит мне письмо, что дядька мой умер. Сама понимаешь, письмо пришло по почте – про мыло электронное там почти все жители и слыхом не слыхали, глухомань жуткая. Население по большей части мордва да эрзя, русских раз-два и обчелся, даже называется деревня по-ихнему – Сырьжакенже.

– Жутко звучит, – передернула плечами Женя. – Это что значит?

– Да черт его знает, – фыркнул Михаил. – Как говорится, чужь начудила, меря намерила, мордва намордовала!

– Ух ты! – удивилась Женя. – Это кто Блока бедного так отредактировал?

– Какого Блока, окстись! – отмахнулся Михаил. – Найдено на просторах интернета, народное творчество!

Женя протяжно вздохнула, но уточнять, что из народного творчества здесь только слова про мордву, не стала.

– Да ты не перебивай каждую минуту! – раздраженно буркнул Михаил. – Короче, получил я письмо. Написала его дядькина соседка, какая-то Раиса Федоровна Ходакова. Так сказать, выполнила его последнюю просьбу. Ну я, понятно, смекнул, что самое время вступать в права наследства – и ринулся в эту Сырьжакенже. Сначала до Арзамаса ехал, потом по шоссейке, потом свернул на проселок, чуть не завяз там по все четыре колеса, но все-таки добрался. Остановился около дядькиного дома, вошел – у меня ключик запасной был, – там все тихо, чисто, цветочками сухими пахнет... Достал из сумки бутылку, закуску немудрящую да и пошел кладбище искать. Иду улицей, по травушке, что характерно, муравушке, которая там уже пробивалась вовсю, это же гораздо южнее Нижнего, там теплее. Пусто кругом, заборы высокие, народу никого. И тишина! Ни собака не брехнет, ни птица не курлыкнет, ни ребенок не заплачет. Только навстречу от колодца идет тетка с ведрами на коромысле.

– Колодец? – изумилась Женя. – Коромысло?! Правда, что ли, такая глушь?

– Говорю тебе, не перебивай! – аж взвизгнул Михаил. – Да, глушь! Глушняк! Глухоманище! Идет, значит, тетка. По виду – русская, глаза у нее не такие, как у местных, не уз-

кие. Смотрю, ведра полные. К удаче, значит. А она мне – заметить, я еще слова не сказал! – вдруг говорит: «Умно себя поведешь – удачу огребешь, а сглупишь – все профитилишь». Во как! Ни с того ни с сего – такой слоган выдать! Я ей – спасибо, дескать, на добром слове, я родственник Дениса Петровича Назарова, узнал, что он умер, приехал, чтобы память его почтить да покупателя на дом найти. А где у вас тут кладбище? Она говорит: «Вы Михаил Назаров? А я Раиса Федоровна Ходакова, это я вам по просьбе вашего дяди сообщила о его смерти. Кладбище – вон там, за рощицей. Могилка его с краешку, под дубком. Крест стоит новый, сразу увидите. Там и память почтите, и покупателя сыщите». Прошла мимо и свернула в такие несусветные воротнички, роскошные, самые помпезные на всей улице. И дом за забором такой же стоял – дворец, терем, а не дом! Я спросить не успел, что она имела в виду: дескать, на кладбище покупателя найдешь? Потом подумал, может, сторож кладбищенский, страж смиренный, так сказать, на мой дом нацелился? Ну, это вряд ли, думаю, у него выгорит. Какие деньги у сторожа? А я хотел дом дорого продать. Он сам по себе крепкий, в отличном состоянии, огород-сад, все такое, да и места там, в этой Сырьжакенже, обалденные. Леса дремучие, озера, речушки... сказка, словом. Москвичи такие билибинско-васнецовские оазисы очень любят. Я, честно тебе скажу, надеялся, что смогу свой дом столичным жителям втюхать, поэтому про какого-то стража мне было даже думать смеш-

но. Ну ладно, пришел на кладбище. Смирненное, как водится, довольно-таки заросшее и заброшенное, все в прошлогодних сухих будылях. Видать, не слишком часто местные жители своих покойничков навещают и прибираются тут! Дядькину могилку сразу увидел – среди старых, серых, осевших крестов новый стоит. Надпись, веночек бумажный прислонен, все чин чинарем. Ну, я достал бутылку, глотнул из горлышка на помин его души, куснул колбаски – вдруг шумнуло что-то за спиной. Оглянулся – стоит бабка, поперек себя шире, на жабу похожая, с палочкой такой тоненькой, корявой, веревкой перевязанной, – стоит, земельку ею ковыряет, на меня поглядывает и говорит: «Не ходи по могилам – мертвец за пятку схватит!» Я аж подскочил, смотрю – и правда на разрытой могилке стою. Оттуда таким духом несет – уже мертвечинным, гнилым, поганым. Даже не заметил, как на нее забрел. А бабка ухмыляется, на бутылку поглядывает. Как бы с намеком! Теоретически надо бы предложить ей выпить, помянуть дядьку, но стаканчика у меня не было, а как представляю, что потом из этой же бутылки, которую она облюнует, мне пить придется, так чуть не стошнило. А она на бутылку таращится – аж глаз горит! Ну, я не выдержал – сделал добрейший глоток, протянул ей бутылку: «Помяните, говорю, бабушка, моего дядю, Дениса Петровича, царство ему небесное!» Она посмотрела, скосоротилась: «Да как же я буду пить?» Нет, ты представляешь? – возмущенно закатил глаза Михаил. – Она мной брезговала! Эта старая жаба! Взя-

ла у меня бутылку, вылила водку прямо в могильную ямину – я аж подавился! Такое добро – в землю! Потом утерла рот рукой, бутылку туда же, в яму, бросила и говорит: «Эрь-эрь, рузонь! (это по-ихнему «Ну-ну, русский!» – быстро пояснил Михаил), хорошо ты меня угостил! За это я внучку своему скажу, чтоб с тобой рассчитался тоже хорошо. Он хочет твой дом купить. Ты не волнуйся, у него денег хватит! Сколько запросишь, столько и даст». Я стою, глазами хлопаю, а она все ковыряет, ковыряет земельку своей палочкой корявой... И только тут до меня дошло, что она ту самую ямину среди могилы раскапывает! Жутко стало – озноб по спине прошел. А она: «Не робей, рузонь! Кто к нам, значит, с добром, того мы не обижаем!» Подняла свою палку, за веревку дернула – и бросила наземь. А я смотрю и глазам не верю: палка лежит, а веревочка змейкой обернулась и в могильную яму скользнула. Я наутек... добежал до рощицы, только тогда и оглянулся. Смотрю – а та могила, возле которой я с бабкой говорил, ну, разрытая – зарыта уже... Ты представляешь?!

– Пить надо меньше, Миша, – устало сказала Женя, которая за это время не произнесла ни слова. – Ты, конечно, большой выдумщик, но все же надо меру знать.

– Не веришь? – сердито поднял бровь ее бывший муж. – Я так и знал, что ты не поверишь! Но ты ведь и в золото мое не сильно веришь, да? А одно с другим связано. Поверишь в золото – и в эту бабку, которая змеей ковыряла могилу, поверишь!

– Мишка, у тебя температуры нет? – спросила Женя, подавив зевок. – Все это очень интересно, но... Ты ж фантастику сроду не любил, тем более – фольклорные фэнтези, а тут нагородил каких-то мифологических сказаний народов Поволжья с три короба. Лавры Дмитрия Зеленина¹² покоя не дают? Хотя, извини, ты ведь о нем и слыхом не слыхал, хоть и родился в этих краях... Я пойду домой, а? Извини, очень устала, а завтра в семь утра первый прием. Мне бы хоть немного поспать!

– Не веришь, значит? – блестя глазами, тихо спросил Михаил. – А это – тоже фэнтези? Тоже мифологические сказания народов Поволжья?

Сунул руку за пазуху, из внутреннего кармана достал что-то и разжал перед Женей ладонь. И тут же, опасливо оглянувшись, хотя в «Траттории» было практически пусто, никто за ними не следил, заслонил руку разлапистой салфетницей.

– Смотри! – торжествующим шепотом крикнул Михаил. – Что, и глазам не веришь?

Да, Женя смотрела на его ладонь и не верила глазам...

Этого не может быть. Этого просто не может быть!

Она беспомощно взглянула на бывшего мужа:

– Как... но почему... где ты это взял?!

– Это еще не все! – хмыкнул Михаил, явно довольный произведенным впечатлением. – У меня здесь, – он похло-

¹² Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) – русский и советский этнограф, исследователь верований и фольклора народов Поволжья.

пал себя по груди, – полный мешочек. И еще в рюкзаке полным-полно! Конечно, сразу все продавать нельзя. В Нижнем сплаваю немножко, потом в Москву рвану. С собой вывозить это за границу и думать нечего, опасно.

– Мишка, тебе этим за дом заплатили, я так понимаю? – осторожно спросила Женя. – Но кто этот человек, который... который...

У нее перехватило горло.

– Который мне так щедро заплатил? – хмыкнул Михаил, убирая руку снова за пазуху. – Это некий Роман Верьгиз, житель той деревни. У него дом по соседству с моим. Вернее, с бывшим моим. Раиса Ходакова – его тетка, что ли, я не понял. А ту бабу с кладбища я больше не видел. Да и черт с ней!

– Пожалуй, да, – пробормотала Женя, вглядываясь в воодушевленное лицо Михаила. – А как ты его нашел-то, Верьгиза этого?

– Да он сам меня нашел, – сообщил Михаил. – Встретил по пути с кладбища. Ну я удивился! Впечатляющая внешность: здоровенный как лось, черноволосый, черноглазый, итальянистого такого типа... То ли на артиста какого-то похож, то ли еще на какую-нибудь знаменитость. Одет, правда, как космач лесной: длинная рубаха – прям такая, натурально посконная. Я специально спросил, как это называется: понар, оказывается, ее из конопли ткали. Подпоясана она кожаным кушаком, поверх суконный чапан, ну, типа длин-

ной приталенной куртки, штаны вроде шаровар – понкст, на ногах – ты не поверишь! – лапти, карь называются, с портянками...

– С онучами, – на автомате поправила Женя.

– Ну да, да. Вечно ты умничаешь... – отмахнулся Михаил и продолжал с воодушевлением: – На груди камень какой-то экзотический болтается. И весь такими ожерельями да браслетами увешан в национальном стиле! Мне тоже браслетик нацепил – талисман для везения.

Михаил засучил рукав и продемонстрировал запястье, обвитое грубой черной волосяной веревкой с прицепленными к ней двумя зелеными бусинками.

– Этнографичненько? – спросил Михаил, умиленно любясь браслетом.

Женя молча пожала плечами.

– Ну вот, – продолжал Михаил, – вроде бы такой повернутый на национальном колорите космач, дикарь лесной, как и вся эта деревня, а при этом дома у него вай-фай и «Макинтош», в гараже белый джип «Чероки Спорт» крутейший – на нем мы в Арзамас ездили, в нотариальную контору, которая принадлежит самому этому Верьгизу, там мы документы и оформили. Он сказал, что давно к этому дому приглядывался, но Денис Петрович нипочем не желал даже разговоров заводить о продаже. – Михаил возмущенно фыркнул. – Дурак старый! Конечно, если бы я знал раньше, что такой покупатель есть, я бы в эту глушь давным-давно примчался, а

не перебивался с копейки на копейку.

Женя нервно стиснула руки. Ее вдруг затрясло.

– А тебе обыкновенными деньгами что-то заплатили или только этим? – Она подбородком указала на грудь Михаила.

– Наличных у Верьгиза не было, а я банковских реквизитов своих не взял. Только этим, – ласково сказал Михаил, погладив себя по груди. – У меня кое-какой налик оставался, но только и хватило за сделку заплатить и на бензин! Правда, уже на подъезде к городу бензонасос потек, поэтому я оставил свой «Логан» в сервисе и пешком к тебе пришел. Забирать, наверное, не буду. Первым делом, как обращаю камушки в наличность, куплю «Порше»! – мечтательно улыбнулся Михаил. – А что у тебя физиономия такая кислая, Женька? Завидуешь? Понимаю! – Он довольно хохотнул. – Я и сам себе завидую!

– Михаил, а тебе этот человек не объяснил, почему он так хотел купить твой дом? – пробормотала Женя, безуспешно пытаясь понять, что вообще происходит с бывшим мужем.

– Конечно, объяснял, – кивнул тот. – Он занимается нетрадиционными методами лечения на берегу Лейне – тамошняя речка так называется. Это слово и означает – речка. Преимущественно женские болезни лечит. А его дом не на берегу стоит – ему дядькин огород туда путь преграждает, приходится ему своих пациенток в обход к реке водить. Вот и хочет обе территории объединить, чтобы прямой путь к реке получить. Ну а в самом доме будет размещать пациенток –

сейчас им приходится останавливаться в Арзамасе в гостинице и приезжать на лечебные процедуры утром, а уезжать вечером, это не слишком удобно, так что я его понимаю.

– Ты вроде говорил, что Верьгиз нотариус? – спросила Женя, все сильнее стискивая руки. До того, что судорогой свело пальцы! Спихватилась, начала легонько их массировать. Как-никак, завтра на работу. Да, пора уходить... Но как оставить Михаила? – А теперь оказывается, он еще и врач?

– Ну вот такой многогранный человек, – ухмыльнулся Михаил. – Два высших образования. Кстати, великолепный массажист, я на себе испытал. Не чета некоторым!

Михаил посмотрел с намеком, и намек Женя поняла: не чета тебе! Как мог сравнивать Михаил ее и Верьгиза, совершенно непонятно: Женя никогда в жизни не делала массажа бывшему мужу. Впрочем, придирайтесь ко всякой ерунде она не собиралась. Есть вопросы поважнее!

– А откуда у него столько... – Женя запнулась.

– Столько золота откуда? – с заговорщическим видом подхватил Михаил. – Нашел в подвале, когда перестраивал свой дом. Это же николаевские золотые червонцы, ты обратила внимание? Возможно, еще с времен гражданки лежало, когда в тех краях разные банды шныряли. У каждой была казна награбленного. Я читал про «зеленых», про антоновский мятеж – там разные люди были в руководстве. И финансовая поддержка у них была могучая, по-нынешнему выражаясь. Мне Верьгиз показал свой клад. Там на восемнадцать жиз-

ней хватит!

– Почему на восемнадцать? – тупо спросила Женя.

– Да какая разница, на восемнадцать, на девятнадцать! – захохотал Михаил. – Много там, короче! Верьгиз сказал, он постепенно всю деревню скупит и устроит там огромный лечебный центр.

– Понятно... – протянула Женя. – И ты говоришь, вы все документы оформили? Можно посмотреть?

Михаил подозрительно покосился на нее:

– Все еще не веришь? Почему? Боишься, Верьгиз может оспорить сделку и потребовать денежки обратно? – Расхохотался: – Сама понимаешь, в бумагах указаны деньги в рублях, а не в царских червонцах!

– Все-таки покажи, – попросила Женя настойчиво, и Михаил вытащил из рюкзака пластиковую папку, в которой были вложены какие-то бумаги. Странно, ни одного документа не было отпечатано на гербовой – всё обычные белые листки. Впрочем, ничего странного: именно чего-то в этом роде Женя и ожидала...

– А кто такой Абрамец Павел Вячеславович? – разглядывая подписи сторон, участвовавших в сделке, спросила она тихо, чтобы не начать кричать на Михаила, не взывать к его рассудку. Было страшновато... И все еще теплилась надежда, что Михаил просто разыгрывает ее, что все это несерьезно!

– А это настоящее имя моего покупателя, – сообщил Ми-

хаил. – Роман Верьгиз – это его псевдоним.

Женя молча кивнула, повернула листки и на первой странице прочла название документа.

Посмотрела на бывшего мужа.

Да нет, конечно, это розыгрыш! Михаил просто придури-вается!

– Извините, господа, – раздался вкрадчивый голос неслышно подошедшего официанта, – может быть, вы хотите заказать десерт?

– Нет, я не буду, мне вообще пора домой, – засуетилась Женя, открывая сумочку и с досадой вспоминая, что деньги все были отданы Михаилу, а карту она, как назло, сегодня не взяла.

– Не дергайся, – важно сказал Михаил, – я угощаю. Счет принесите, пожалуйста!

Женя почувствовала, как у нее раздулись ноздри от возмущения. Угощает он! Сейчас, конечно, достанет одну из тех пятитысячных купюр, которые она ему дала.

Ладно, пусть так. Только бы не вздумал расплатиться тем, чем расплатился с ним Верьгиз!

Она вздохнула с облегчением, увидев в руках Михаила красненькую бумажку. Официант принес сдачу, и Женя бросилась вон из «Траттории» так поспешно, что даже споткнулась на пороге.

Михаил подхватил ее под локоть и лукаво хихикнул:

– А чего ты так спешишь? Может, твои денежки фальши-

вые, а? И ты испугалась, что официант сейчас фальшивку обнаружит, а я скажу, что это твои деньги?

Женю вдруг затошнило.

– А ты бы сказал? – спросила она, резко отстраняясь.

– Извини, да, – с видом принципиального пионера проговорил Михаил. – Я сейчас не в том положении, чтобы тащиться в полицию, рисковать и подвергнуться обыску. – И он выразительно постучал себя по груди.

Ну, всё. Больше она не могла этого терпеть! Силы кончились!

– Знаешь, лучше фальшивыми деньгами расплачиваться, чем этим... этим, что ты за пазухой таскаешь.

– Ты о чем? – Михаил склонился к Жене, растерянно вглядываясь в ее глаза. – Ты спятила? Помрачение ума настало от зависти?

– Это ты спятил! – крикнула Женья. – Это у тебя помрачение ума настало от жадности! Что ты выдумал?! Зачем ты всю эту чушь нагородил? Неужели ты веришь, что тебе дали грудку золота? К кому ты попал? С кем связался?! Одно из двух: или ты в самом деле сошел с ума, или этот твой Верьгиз тебя... ну, не знаю, загипнотизировал, что ли! Неужели ты не видишь, что оформил не продажу дома, а дарственную на имя Павла Вячеславовича Абрамца? И расплатились с тобой никакими не сокровищами, а сушеным козым дерьмом?!

Сырьжакенже, наши дни

Трапезников увидел, что стадо уже поравнялось с оградой. Пастух, щуплый, среднего роста, горбатый мужичок в малахае, снятом, такое ощущение, с самого деда Щукаря из шолоховской «Поднятой целины», щелкнул кнутом, останавливая своих подопечных, и глянул на Трапезникова с плохо скрываемой насмешкой.

– Ну что? – не выдержал и тоже усмехнулся Трапезников. – Неужели Верьгиз думает, будто я такой дурак, что поверил в этот его эротический бред про сексуально озабоченных коров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.